

Константин Подборнов

Восставший

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Андреевич Подборнов

Восставший

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57426754

SelfPub; 2021

Аннотация

Что определяет человека как неделимую личность? Целостность его тела, или воспоминания, заложенные внутри телесной оболочки?

Очнувшись в гробу после смерти в автокатастрофе Антон обнаруживает, что обернулся монстром, жаждущим человеческой плоти, который вдобавок ко всему постепенно теряет свои воспоминания из прежней жизни. Теперь ему предстоит провести целую вечность в попытках сохранить человека внутри себя. Но нужно ли ему это? И был ли он когда-либо человеком вообще?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Пробуждение	7
И снова смерть	13
Глава 2 Новые друзья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Константин Подборнов

Восставший

Пролог

У всего на свете есть своя цена. Сколько стоят, например, цветы? В зависимости от сезона, и удаленности места где вы их приобрели от места где их вырастили, цена может колебаться между парой сотен и парой тысяч российских рублей. Учитывая капризность и прихотливость отдельных видов ароматных соцветий, возможные проблемы с доставкой, не говоря уже собственно о затратах на саму доставку, стоимость данного товара вполне обоснована и справедлива.

К сожалению, так заведено в нашем мире, что иной раз люди платят за простые и обыденные вещи неоправданно высокую цену. Так, последней покупкой Антона Викторовича Синельникова стали цветы. Желтые пионы, лежащие на бардачке автомобиля и жаждущие попасть в руки возлюбленной, стали частью вереницы последних воспоминаний перед трагической кончиной. Ей же стала и икона казанской божьей матери, раздражающе раскачивающаяся на зеркале заднего вида, такая, какую можно купить на любом дешевом рынке между палатками с детской одеждой и, скажем, телевизионными антеннами. По иронии судьбы продал бы ее вам,

конечно же, мусульманин. Все же это, однако, было не так важно. Куда важнее был громкий сигнал клаксона, какой может издать только многотонная фура.

Но, почему-то, до странного много ненужного в тот момент проносилось через его восприятие. Например, когда стальная громадина превращала переднюю часть автомобиля в груды металлолома, Антон заметил, что на переднем сидении его друг Толик все-таки оставил вчера прожженный след от сигареты, а ведь клялся, что нет, и более того, салон его нового форда такой же девственно чистый, как в первый день покупки. Запомнилось Антону и как сила притяжения меняла свой вектор, то поднимая его к небу, то утягивая вниз к сидению, и как это наводило его на мысли об американских горках, на которых он никогда не был. Запомнил странный хруст в теле сопровождавшийся вспышками света в голове, но тогда его это не особо волновало. Все мысли что роились в его голове в тот момент касались лишь финансового вопроса ремонта купленного всего неделю назад автомобиля, и о том, убьют ли его дома, или нет... В этот раз его точно убили бы.

Хотя, наверное, зная о том, что его ожидает он бы хотел думать о чем-нибудь другом, скажем, о своих родных, о друзьях, может быть о той самой девушке. Но, как это обычно бывает в первые мгновения опасности, ты не чувствуешь ни боли, ни страха, и не в полной мере не осознаешь той ситуации, в которой оказался, а все происходящее кажется тебе каким-то странным сном, где тебе не отведено управлять

своей судьбой, и остается только погрузиться в свои мысли и ждать, когда ты проснешься. К сожалению Антону Викторовичу не суждено было проснуться.

Самое яркое впечатление, подаренное этой аварией, было осознание того, как быстро иногда наступает ночь. Казалось бы, вы договорились встретиться в три часа дня – до встречи оставался еще как минимум час. Но пока ты пытался выбраться из-под вмявшийся в тебя машины, на улицу уже опустилась ночь, стихли звуки возле дороги, а точнее слились в одно протяжное эхо, а затем наступила темнота, чуть позже оглушительно ударила полная тишина, а спустя несколько мгновений сильно похолодало. Обычно только в этот момент люди понимают, что ночь на самом деле не наступила.

Глава 1 Пробуждение

После смерти нет ничего, как бы мы не пытались убежать от этой неприглядной истины, но это так – лишь всепоглощающая темнота, которая могла бы повергнуть в ужас и натолкнуть на самые темные мысли даже законченного оптимиста. Благо, ни эмоций, ни мыслей после смерти тоже нет.

–А ведь было бы это не так, о чем бы тогда думали люди? Достиг бы человеческий разум вершины просветления если бы его оставили одного посреди ничего? В какой бы момент паника и ужас сменились на смиренное размышление? Вывел бы разум Эйнштейна теорию всего, нашел бы Никола Тесла способ передачи беспроводной энергии, нашелся бы ответ на главный вопрос в истории человечества о смысле нашего существования, трудясь над ним одновременно и по отдельности сознания миллионов и миллионов людей? К сожалению, мы никогда не узнаем, ведь после смерти ничего нет, только эта темнота... в которой я заперт.

Устав от этих мыслей Антон попытался встать, но с глухим стуком его остановила деревянная доска.

–Я еще жив!

Дрожащим голосом, в полусшепот произнес Антон и улыбка буйно-помешанного разразила его лицо. В нашем языке не существует таких слов, чтобы описать радость от собственного воскрешения, наверное, потому что те, кто слыш-

ком много болтают о том, что побывали на том свете—очень быстро туда возвращаются и не успевают отразить свои чувства в словесной форме.

Но радость от неожиданного и весьма, надо сказать, приятного воскрешения медленно превращалась в панический страх остаться в земле на целые дни, если не на недели. Справедливости ради, учитывая габариты стандартного православного гроба, исходя из которых высчитывается и объем вмещаемого воздуха, а именно объем гроба минус объем помещаемого внутрь тела, его страхи остаться жить в гробу были совершенно надуманны и не имели под собой никакого основания. Тем не менее перспектива умереть в гробу, как бы это иронично не звучало, не порадовала бы никого — нужно было как-то выбираться.

Достаточно быстро к Антону снова вернулась ясность мысли, в той степени, конечно, в которой она только может быть в подобной ситуации. Прощупав руками крышку гроба, он принялся всячески подавать звуковые сигналы ударами рукой и своим голосом. Десять минут он истошно колотил по ней в надежде быть услышанным, пока земля неожиданно не посыпалась из образовавшейся трещины. В целом ничего удивительного в том, что деревянный ящик из фанеры может расколоться от ударов руками нет. Станным было то, что его разрушение не являлось самой целью этих ударов, и наносились они плоской ладонью с одной лишь целью — издать как можно более громкий звук, но тем не менее, он

развалился менее чем за 11 минут, обречнув Антона на еще одну смерть, на этот раз от сдавливания грудной клетки под метровым слоем земли.

Несколько секунд, а может даже и меньше, потребовалось для того, чтобы надежда на выживание потухла как свеча на ветру. Для Антона все было кончено. Земля пустила трещину дальше, расколов крышку от гроба на две половины, и бурным потоком хлынула внутрь. Все, что ему оставалось, это в страхе закрыть лицо руками. Боли не было, и это было странно, ведь человек должен почувствовать такой большой вес на своем теле. От неожиданности Антону почудилось, что все это лишь очень затянувшийся кошмар и вот сейчас он проснулся. Он попытался глубоко вздохнуть, но не смог, масса земли все еще давила ему на грудь и забивалась в нос, не давая ему это сделать. Подумав, что вот она его смерть, он расслабил все мышцы своего тела и принялся покорно ждать смерти от гипоксии.

Но он не мог ТАК умереть. Нет, не потому что это было бы через-чур позорно – умереть, почти добравшись до своей цели, и не потому что он так и ни разу не скатался на американских горках, или по каким-либо еще поводам для нагнетания драматизма, он просто-напросто физически не мог умереть. Слишком много времени без кислорода прошло для среднестатистического человека – Антону же пребывание под землей почти не доставило дискомфорта. В какой-то момент Антону наконец хватило дерзости предполо-

жить, что дыхание ему не нужно. Несколько минут железного, почти кататонического ступора потребовалось, чтобы просто понять – действительно ли ему не нужно дышать. Когда он в этом все же убедился ему стало, пусть ненамного, но менее страшно.

Земля была еще рыхлой настолько, что Антон мог с небольшим усилием манипулировать кистями рук. В данной ситуации любому человеку мог прийти только один путь к спасению. Он принялся создавать вокруг себя воздушный карман прижимая землю сверху и по бокам до тех пор, пока в нем не стало возможно свободно вращать головой. Еще некоторое количество усилий и вот уже свободны руки и грудная клетка. Дальше очередь шла за ногами и животом. Медленно и осторожно он раскапывал свое тело, копая одной рукой и прощупывая границы своего импровизированного убежища другой. Ведь если он допустит ошибку и выкопает слишком высоко или слишком низко, или склон его воздушной пирамиды вдруг окажется под не тем углом – его снова засыпет землей, и в этот раз ему может так не повезти. Поначалу медленные и опасливые движения стали приобретать уверенность, никогда прежде ему не приходилось откапывать себя из могилы, но дело оказалось не очень хитрым, к тому же удержание больших масс земли одной рукой давалось ему подозрительно легко. Живот достаточно быстро освободился из-под завала, но, когда он принялся раскапывать ноги ему пришлось померить свой раж. Столь быстрые

движения не оставляют места для осторожности – небольшое количество земли упало Антону на голову заставив его уже необязательное для жизни дыхание замереть. Еще чуть-чуть и все его старания пошли бы насмарку, еще чуть-чуть и он бы был заново похоронен под слоем грунта.

–Тихо, тихо. – Умоляюще прошептал Антон.

Ему казалось, что оставалось совсем немного до заветной свободы, и это не давало ему сдать. Мыслить нужно было незамедлительно, вся оставшаяся земля могла обвалиться ему на голову в любую минуту. Решение пришло неожиданно. Впившаяся в его ногу половинка крышки гроба подсказала ему идею. Заключалась она в том, чтобы откопать как можно большую ее часть, дабы ее было легче резко вытащить и поставить под углом в карман чтобы получилась импровизированная подпорка, затем выкопать туннель на поверхность, как это делают кроты – то есть слегка под углом. План начал приводиться в исполнение – начались раскопки по своей важности сопоставимые с раскопками, каких-нибудь стоянок древних людей, или руин античного города, только в этот раз речь шла не об истории прошлого, а о судьбе настоящего. Сантиметр за сантиметром показывалась обломанная доска, она была достаточно крупной, чтобы не дать земле засыпаться в полость в случае ее обвала, но действовать нужно было быстро. Ситуация осложнялось тем, что все происходило в полной темноте, и даже примерно наметить то место, куда ее нужно ставить, было достаточно трудно. Все

или ничего, пан или пропал – рывок, звук сыплющейся земли... Успех. Все, что теперь оставалось сделать – вытащить ноги, благо это не составила особого труда. Только лишь показались колени – Антон дернул ноги на себя из-за резкого, пусть и небольшого изменения высоты грунта, весь карман рухнул, кроме того места, куда была поставлена доска. Свобода была почти в руках, оставалось только вырыть туннель под углом как это делают кроты, или полевые мыши. Антон был не сильно сведущ в быте подземных животных, но даже он нашел бы некоторое сходство их с собой. Рытье туннеля оказалось не таким сложным по сравнению с тем, что ему пришлось сделать до этого. Меньше пятнадцати минут, и он был уже на свободе.

И снова смерть

Надо сказать, ночь – весьма занятное время суток. Словно являясь концентратом всего, что простой обыватель может наблюдать за день, она вбирает и до ужаса гиперболизирует все хорошее и все плохое, что есть в этом мире.

Ночью вы можете встретить беспечных романтиков, готовых пойти на все ради своих непоколебимых убеждений, и отстаивать их, несмотря ни на что, в том случае, конечно, если для этого им не придется найти себе работу. Можете встретить законченных проходимцев, что убьют вас без промедлений за шанс взглянуть на содержимое ваших карманов, стоит вам лишь остаться наедине. Наверняка вам ночью также встретится любящая мать, вынужденная, в силу множества обстоятельств торговать своим телом за не самую высокую цену, компенсируя невысокие денежные запросы количеством клиентов, для того, чтобы составить хоть какую-то конкуренцию молодым и красивым студенткам, для которых вернуться домой с новостью об исключении является самым большим фиаско из всех, что только возможно.

Ночь – время обмана, глупых обещаний на пьяную голову, страха, слез и человеческих пороков. Но также ночь – время поэзии. Центры больших и не очень городов с заходом солнца наполняются духом богемной жизни. Дорогие рестораны и бары принимают в себя авантюристов и мечта-

телей, ставших миллионерами за пару дней и уже готовых принести в жертву Дионису свое состояние лишь затем, чтобы с утра начать все сначала. Музыканты и художники, композиторы и комиксисты, писатели и поэты – всех и можно встретить только ночью, ибо днем мы не более чем просто люди, и только ночь дает нам шанс побыть такими разными, и такими особенными. Но знаете, что объединяет каждого кто выходит из дома под покровом темноты? В чем схожесть уличной проститутки, пьяного юноши с необоснованно завышенными амбициями, бандита из переулка, выброшенного на улицу музыканта и влюбленной пары на берегу небольшого озерца? Абсолютно каждый кому довелось увидеть проблеск лунного света на асфальте неизбежно поднимет голову, и изумление, каким бы не был этот вечер до этого скроет все тревоги в себе. Любой, независимо от пола и национальности, социального и духовного статуса испытает минутное благоговение взглянув на заверченный бело-желтый диск вздымающейся луны. Именно луна, является жемчужиной ночи приводящей души всех неспящих людей, живых и мертвых, в единый секундный порыв восторга, не дающий людям впасть в отчаянье из-за страха и одиночества вызванного окружающей тьмой, являясь по сути единственным надежным компаньоном до наступления рассвета. Антону Викторовичу Синельникову несказанно повезло – сегодня над кладбищем №9 города N светила та же луна.

Кто знает, как бы отреагировал Антон, увидев гранитную

плиту со своим именем, если бы не успокаивающий лунный свет. Надпись на плите гласила следующее:

*"Антон Викторович Синельников
14.11.1992 – 15.06.2018"*

Возможно, все бы закончилось истерикой, может быть помешательством, но луна была сегодня так ласкова и нежна, что в сердце его не осталось места ни для чего, кроме только лишь сплина. Теперь, когда опасность быть похороненным заживо больше не давила на мысли Антона, ему стали приходить вопросы о том, почему он еще жив. Никаких идей не приходило ему в голову.

Решив было перевести дыхание, он набрал полную грудь воздуха, но не смог выдохнуть, потому как отсутствие каких-либо физических ощущений при дыхании, а также полная эмоциональная холодность к окружающим запахам ударила по его сознанию и сковала мысли и тело. Внезапно он получил ответ на вопрос как он остался жив – никак. Он погиб в аварии пятнадцатого июня две тысячи восемнадцатого года. Непонимание, раздражение и испуг нашли выход в мощном ударе рукой по могильной плите, но, вместо ожидаемого в таких случаях перелома руки, это как минимум, по плите пошла глубокая трещина, которая едва не привела к ее расколу. Еще большая волна недоумения захлестнула Антона, порождая все новые и новые вопросы, главным из которых был – кто он теперь такой.

Он не видел этого кладбища прежде, но сориентировать-

ся ему было несложно – кладбища в наши времена зачастую устроены так, что лица на надгробных камнях своим взглядом указывали на направление выхода и было несложно интуитивно догадаться о причине того, почему все могилы смотрят в одну сторону.

По пути к выходу Антон невольно всматривался в лица, отпечатанные в граните. На некоторых почему-то была отражена радость. Быть может это была их последняя фотография, и она была выбрана в качестве портрета лишь из-за неимения более актуальной, а может родственники погибшего захотели приходить и вспоминать этого человека именно таким, несмотря на то, что последнее выражение лица, увиденное ими, была гримаса ужаса, или же вовсе отсутствие его по причине невообразимо ужасных обстоятельств смерти, или же все куда проще и это была последняя воля самого усопшего – проявление странного чувства юмора. Другие памятники были больше похожи на официальный документ, навряд ли паспорта, да и служили эти могилы той же цели – подтвердить имя, фамилию, отчество, дату рождения и смерти находящегося в ней человека – все строго официально и нужно лишь для формальности. На иных же не было ничего, только одиноко стоящий крест где-то в неприметном месте. Такие могилы виделась Антону наиболее интересными. В голове его сразу возникал вопрос о том, почему они не подписаны. Возможно это могила некоего неизвестного героя, чья тайна имени строго охранялась государством, ли-

бо человека столь ужасного, что даже его семья испытывала к нему презрение. Жаль, что скорее всего они принадлежали просто людям, одиноким настолько, что даже имя их было вспомнить некому. Вообще, разница в качестве обустройства мест погребения без преувеличения поразила Антона. Разброс был от дорогих и массивных гранитных плит с оградой из камня и небольшим святилищем у входа, до покосившихся деревянных крестов без имени, и даже забора, выполнявших лишь функцию предупреждающих табличек, на которых обычно пишут "по газонам не ходить"

– почему так? – пророптал Антон.

И для чего вообще нужна роскошь в похоронных ритуалах? Разве мертвецам есть хоть какое-то дело до этого? А может все вот эти дорогие ограды и надгробия просто очередная возможность выказать кич перед посетителями кладбища, которые себе такое позволить не могут? В принципе, такое может быть. Если это так, и я прав, то это мерзко и отвратительно.

Подобные мысли наводили на него тошноту, поэтому он старался от них избавиться. Но не успел Антон толком поразмышлять на этот счет, как пришел ко входу на кладбище. Из окна кустарной, сделанной из листов ржавого металла сторожки горел свет. Решив спросить дорогу до своего дома у сторожа, он постучал в хлипкую дверь. Дверь открыл маленький лысый мужичок на вид лет пятидесяти с густыми белыми усами. Ночь выдалась по настоящему холодной,

поэтому на его плечах висела дутая телогрейка, являющаяся частью стандартного комплекта одежды, выдаваемого сторожам, но к несчастью она была ему на несколько размеров больше. Все это в купе создавало комичный образ старого гнома ремесленника. По этой причине Антон несколько приободрился при встрече с ним, однако непонятное и никогда до того невиданное чувство поселилось в его груди.

– Совсем что ли?! Ты чего пугаешь так? – встретил его сторож

– Да я вот... ищу домой дорогу. Не знаете случайно, как добраться до улицы Завалишина?

– Знаю. Сестра моя, троюродная по маме, Любой звать её, там живет. Тебе значит с кладбища выйти, там остановка будет, пройдешь до нее метров двести через подземный переход – не пропустишь, затем на двадцатый автобус, дальше разберешься. Еще можешь на трамвае, но они ходят редко, и может уже не ходят... а вообще, который час? – старичок достал маленький кнопочный телефон из кармана и взглянул на время – О-о-о-о... нет, не уедешь ты так. Значит, слушай... Нет, так тоже не добраться. Ну, не везет тебе, не ходит уже отсюда транспорт.

– Ладно, все равно спасибо. Будьте здоровы.

Непонятное чувство начинало усиливаться и приносить дискомфорт. Антон поспешил развернуться и уйти, потому что чувствовал, что зреет оно по вине сторожа.

– Да обожди ты – обронил сторож – Куда ты пошел то в

такой час?

– Я не знаю – ответил Антон.

– Заходи, хоть до рассвета посидишь, или такси вызови, если деньги есть. Давай, давай.

– Ну...наверное, да, так лучше... давайте.

Он хотел уйти, но это чувство, все сильнее жгущее его грудь, не давало ему это сделать, теперь оно становилось похоже на томительное предвкушение.

–Дмитрий Валентинович – протянул руку сторож

– Антон Викторович, можно просто Антон – протянул он руку в ответ

В каморке стояли только старый диван в коричнево бежевую полоску с невыразительным цветочным орнаментом, старое кресло того же фасона и стол советского производства, складной. Для кладбищенского сторожа такой мебели было вполне достаточно. На столе можно было обедать и раскладывать всевозможные виды пасьянсов, там же вплотную стоял диван, по виду взятый с дачи. Он был не особо чист, потому как даже летом спать в каморке можно было только в одежде. Кресло, названное так по ошибке, потому что своей форме это был скорее мягкий стул с подлокотниками, стояло просто так, на всякий случай подобный этому, когда вдруг объявляются незваные гости.

– Извини уж, не Петергоф. Мы люд рабочий, так сказать. Посидеть чтоб было, да поспать. Правильно говорю? Ты присаживайся. Чай, Кофе? Точно... кофе то у меня нет... Уже...

Гвозди есть в банке. – Дмитрий Валентинович достал из ящика стола проржавевшую насквозь банку из-под кофе. Он встряхнул ее над головой, и, когда из нее послышался металлический звон, растянулся в беззубой улыбке. – Будешь гвозди?.. Нет? Тогда чай. Черный? Зеленый?

– Зеленый.

– Остался только черный.

– Ну, тогда черный.

– погоди. Может где-то остался зеленый. Хм. Стой, я ж дома его оставил, внучка приходила в выходные, она то любит зеленый, а я вот не очень. Вот. Поэтому не знаю есть там он; не есть там он. Или это не на этих выходных было, не помню уже. Так какой тебе чай?

– Черный

– Ты ж зеленый сказал! Издеваешься надо мной? Изувер! Я и так тут уже на корячках тут хожу... знаешь, как в старости ноги болят?! А ты меня тут мотаешь туда-сюда, туда-сюда. Черный! Зеленый! Пирожное! Мороженное! Еще чего изволите? – Дмитрий Валентинович поклонился Антону

– Ты... да вы... вы же сами сказали, что нет зеленого, вот я и говорю, что буду черный.

– Ну так черный и пей тогда, и не надо мне морочить голову

– Знаете... давайте уже любой. Только хватит говорить о чае.

"Дед не в себе. Надо же было устроить такую сцену из-за чая. Чая! Я не могу. Убил бы уже, наверное."

Пока Дмитрий Валентинович кипятил электрический чайник, рьяно следя за тем, чтобы не дай бог он сгорел и не пришлось опять покупать новый, Антон осматривал каморку. Помимо уже виденных предметов обихода, а конкретно кресла, стола, дивана и чайника в его поле зрения попали еще две вещи – семейная, или выглядящая как семейная фотография, и небольшое грязное зеркало над умывальником. Умывальник тоже попал в обзор, но ничего интересного в умывальниках нет. В первую очередь его заинтересовало зеркало – выбравшийся из могилы человек наверняка должен быть жутко грязный и вызывать подозрения. Антон встал со стула и направился к умывальнику.

– А как ты у кладбища оказался то? – спросил его сторож

Антон опешил. Не мог же он сказать правду. Нужно было срочно придумать историю.

– Я...я...я – Антон замешкался и уставился в пол

– И правда. Надо было раньше спросить. А ты чего осадился? Не мародер часом? – в глазах Дмитрия Валентиновича блеснул безумный огонек – Сидит тут, зубы мне заговаривает, а я и уши то развесил. Дружки твои, наверное, уже все коронки у покойников поснимали. Ух я... да я. Ружье! Я сейчас ружье достану! И все... И всё... И посмотрим, как запоешь!

Дмитрий Валентинович спешно выскочил с каморки, да

так, что по инерции чуть не слетел со ступенек, но не увидел того, что ожидал, лишь безмятежную тишину, освещаемую тусклым светом луны и прерываемую редкими, но сильными порывами ветра. Он успокоился.

Маленький сторож вошел в каморку и посмотрел на Антона выражением лица таким кислым, что даже у него появилось ощущение съеденного лимона.

– Ты извини меня, пожалуйста. Я старый стал уже... со-
всем., нервы сдавать начали. Да и как им не сдать то? Одни
трупы кругом столько лет... вот я и того. – Вымаливал ста-
ричок, потирая раскрасневшие щеки.

– Ты, дед, такие номера не выказывай больше... – сначала
разозлившись, но в дальнейшем осознав, что это не Дмит-
рий Валентинович является восставшим мертвецом, заявив-
шимся в гости к человеку поздно ночью, Антон смягчил тон
– Да, на самом деле, ничего, я все понимаю, и правда работа
нервная – могилы, ночь, сомнительные личности и прочь, и
прочь. Как тут... ну... не заработать профдеформацию, ска-
жем так. Главное, что вы сначала проверить решили, а потом
за ружье хвататься. – Антон на секунду задумался – ...А что
правда бывают мародеры?

– Не знаю. Не видел не разу. Но всякое бывает. Всякое.

Антон, хоть и выдавил из себя смешок, но все же рассла-
биться ему не давал вопрос – что бы он сказал если бы он
предположил другой вариант, или просто взялся за ружье?
Как-бы он ответил ему на вопрос о причине нахождения на

кладбище поздно ночью?

– Ну, и как ты оказался на кладбище поздно ночью? Я тебя, по-моему, перебил.

Полное Фиаско. Попытка уйти от темы разговора была провалена. Антон предпринял отчаянную попытку потянуть немного времени.

– Дед, я тебе сейчас скажу, только обещай никому не рассказывать.

– Ты скажи сначала, там посмотрим. Обещал я как-то, кое кому, кое-что. И вот, посмотри...

– Что ты, отец, знаешь о... бандитах?

– Ну бандиты как бандиты. Всегда были, и всегда будут. При чем тут бандиты?

– А какими методами они пользуются, знаешь?

– Почему мне знать? Только то, что в фильмах показывают, то и знаю.

– Вот. А как у нас в фильмах обычно показывают? Стукнут человека честного по голове, и давай в озеро его, или на кладбище.

– Ах вот он, паскудник! Запугать меня решил! Ты думаешь я боюсь всякую шантрапу вроде тебя?

Дмитрий Валентинович, воспользовавшись приличным расстоянием между креслом, в котором сидел Антон и его диваном перемахнул за него и достал из-под сидения обрез ружья ТОЗ и направил его в Антона.

– Эй-эй-эй! Это лишнее! Убери это! – завопил Антон

– Это необходимая оборона! Я сторож, мне можно!

– Да не бандит я!

– Зачем тогда напугать меня решил бандитами? Отвечай, что здесь делаешь?

– В общем... как бы это сказать... меня побили. Сильно. Очень сильно.

– И сюда отвезли хочешь сказать?!

– Э... да??

– Ну, тогда в полицию надо звонить. Дай минуту. Телефон поди отобрали у тебя, правильно? Ну а что еще делать будут? Черти. Понарожают уродов, потом у меня мест нет нигде. Вот в мое время там совсем по-другому было. Нормально люди между собой один на один, а сейчас что, да вообще пиздец.

По лицу Дмитрия Валентиновича вновь прошла кислинка. Если бы не последующие далее события он бы следующим же днем ушел на заслуженную пенсию и провел остаток жизни в санаториях восстанавливая утраченное душевное равновесие.

"Пусть старик делает что хочет. Хотя бы меня не донимает. Да и грязь вписывается в эту версию. А пока полиция едет, слиняю потихой." – думал про себя Антон. Вспомнив про грязь, он вновь направился в сторону зеркала.

Подойдя к нему, он впал в замешательство. Из-под слоя кладбищенской грязи на него смотрело совершенно обезображенное существо. Горящие янтарным светом глаза, окру-

женные темными мешками слегка наполненных жидкостью, двигались из стороны в сторону, охватывая бледное синеватое лицо с выступающими венами. Провалившийся нос, выглядел так, будто бы у его хозяина отсутствовал носовой хрящ, или, если более понятными аналогиями – он был как у летучей мыши. На голове его располагались похожие на уголь волнистые волосы средней длины, а на лице бесчисленное количество язвин. Но более всего выделялись длинные передние резцы, сузившиеся и принявшие форму клыков. Не смотря на все уродство, что Антон наблюдал в зеркале, это лицо казалось ему таким привычным, почти родным. Он попытался вспомнить, когда он его видел, но он видел его, похоже всегда. Антон осознал, что в своих воспоминаниях он выглядит так же, как и сейчас.

Но это точно была ложь. Он не мог вспомнить свое лицо, но помнил, что оно было другим. От разглядывания самого себя в зеркало его отвлек глухой звук сзади. Он обернулся – у его ног лежал старый кнопочный телефон. Подняв глаза, он увидел Дмитрия Валентиновича – тот стоял, затаив дыхание. На его лице читался неподдельный ужас, ведь он впервые увидел Антона через очки. Долгая и неловкая пауза длилась около пяти секунд – Дмитрий Валентинович быстро переводил взгляд, то на Антона, то на ружье, приставленное к стене. Длилось это до тех пор, пока её не разорвал голос из трубки.

– Отделение МВД России, по Ленинскому району. Слу-

шаю вас

Волна страха накатила на Антона. Внезапно его глаза словно окутала красная пелена. Резким рывком он сократил дистанцию со сторожем. Схватил того за горло и удлиненными пальцами впился в его плоть. Она с чавкающим звуком начала выбрасывать фонтаны крови. Странное чувство, которое испытал Антон при первой встрече со сторожем достигло своего пика, заставляя наносить удар за ударом, за каждым из которых шел хруст в области лица Дмитрия Валентиновича. Все, что он мог произнести несчастный в этот момент – тихое кряхтение. Кровь брызгами покидала его тело. Подняв как куклу еще живое тело Дмитрия Валентиновича, он направил поток крови на себя. Как только кровь коснулась его рта, в его памяти закружилась буря воспоминаний... но не его, а Дмитрия Валентиновича.

Он вспомнил как катался с его отцом на лодке и случайно уронил в воду любимую удочку, вспомнил свое первое свидание, потом свадьбу, двоих детей, затем и внуков. Вспомнил как умерла его мать, а затем жена, как дети перестали с ним общаться, как он два дня назад проснулся полный решимости первый раз за четыре года позвонить и поговорить со своей дочерью, но так и не смог это сделать, и наконец, как ему этой ночью вырвал горло некий Антон Викторович.

Пелена застилавшая разум Антона наконец спала – тот упал на пол не в силах сдержать слезы. Голос по ту сторону трубки оборвался короткими гудками, так и не дождавшись

ответа.

Дальше оставалось только бежать. Но куда он не знал точно! По указаниям старика добраться до центра, оттуда домой, и постараться навсегда забыть этот кошмар – вот то, что было его главной мыслью.

В полумраке он несся через прилесок у кладбища. Сначала Антон спотыкался и падал, но вскоре его глаза стали привыкать к темноте. Через пару минут он видел не хуже кошки, спустя еще минуту он мог разглядеть вещи недоступные никому из ныне живущих существ. Он видел следы дыхания пробежавших мимо белок, мышей и крыс, чувствовал их сердцебиение – оно возвращало ему его голод. За прилеском показалась оживленная ночная трасса, это означало что он идет в верном направлении и остановка уже недалеко. Неясное чувство опасности остановило Антона, когда тот подошел к подземному переходу. Из него доносился гул, отдаленно напоминавший речь, или скорее жалобное бурчание, но не чувствовал жизни внутри него.

Антон не придал бы этим звукам никакого существенного значения, если бы на удивление быстро не привык к приобретенному шестому чувству, настолько, что уже доверял ему как своим глазам и ушам, а теперь оно дало сбой. Разворачиваться было нельзя – путь назад был перекрыт трупом зрителя, словно оберегом от нечисти. Преодолевая волнение Антон шагнул в неизвестность. Ступенька за ступенькой пролетали под его ногами.

Если уж я начал спускаться, то надо покончить с этим как можно скорее – Думал Антон про себя.

Внутри прохода сидел бездомный. Всего лишь бездомный. Всё волнение Антона рассеялось, и он спокойным шагом двинулся к противоположному выходу.

– Ну-ка постой. – кликнули его сзади

Антон остановился, перебирая у себя в голове что может понадобиться от него бездомному. Для прошения слишком нагло, хотя люди по своей природе разные, но все равно, навряд ли. Возможно это ограбление, но учитывая то, что произошло буквально пару минут назад в камерке у кладбища ему ничего не угрожает. Уже из какого-то странного любопытства, нежели из страха он остановился чтобы выслушать то, что хочет сказать ему бродяга. Он ожидал услышать что угодно, но вопрос, который был задан ему, совершенно сбил его поток мыслей.

– Эг-э-э. А ты у нас кто? Паук, бык, или змея? – спросил его бездомный

– Что?

– Под чьим знаком ты ходишь? Хотя, какая разница... Ты зашел не в тот переход, братан. Так что, вали отсюда пока ноги целы.

– Я вас не понимаю... Я просто иду мимо.

Приглядевшись к таинственному незнакомцу, он увидел обезображенное множеством рытвин и гнойных язвенников лицо с выступающими наружу передними зубами, которые

по форме своей были похожи на когти. Жуткого вида лицо отводило внимание от других особенностей внешности. На почти лысой голове клочками выступали тонкие кудрявые волосы. Нос же почти отсутствовал и напоминал своим видом обрубок с торчащей костью. Антон почти наверняка бы испугался, если бы не видел похожего вида лицо в зеркале буквально недавно. Но из-за растерянности он стоял в ступоре и не мог произнести ни слова.

– Ты одиночка что ли? – продолжал он

Антон стоял перед существом не в силах говорить.

– подожди... – бездомный начал осматривать Антона.

– Ты недавно обернулся, я прав? Вероятно, даже сегодня. – спросил он

– Я?

– Ты-ты. Не надо мне говорить, что не знаешь, о чем я. Уж я-то точно знаю кто ты такой и откуда вылез.

– Да, так и есть. Сегодня ночью. Но откуда...?

–Странно... очень странно.

– Почему?

– Пять человек за этот год покинули свои законные места на кладбище. Обычно это происходит не так часто, но да это уже не твои, и уж тем более не мои заботы... Но я тебе скажу что-то: Хочешь знать, что с ними произошло?

– Что?

– Никто из них не пережил и одной ночи – бежали в панике в разные стороны, не зная куда податься, и р-раз – жгучая

боль, истошные крики, и вот они горстка пепла. Тебя ждет тоже самое если не будешь слушать меня очень внимательно. Дошло?

– Дошло.

– Теперь, когда мы разобрались с основами твоего бытия, мы для начала предадим земле тело несчастного, ну или несчастной.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Лицо незнакомца сменилось – из задорного веселья оно перешло в нетерпеливую раздражительность.

– Ну почему? Ну зачем? Тебе ведь страшно за свою жизнь. Ты думаешь я хочу тебя убить, но все равно врешь! Кого ты сейчас пытаешься обмануть? Твой похоронный костюм – он весь в крови, это означает только то, что, либо ты кого убил, либо тебя убили, но ты стоишь сейчас передо мной, из чего напрашивается вывод, что скорее ты убил, чем тебя. В придачу ко всему – ты не похож на сгнившую картошку с зубами. А значит?... М-м-м... Дополни...

– Как это понимать? Что значит не похож на сгнившую картошку? Кто вы? Что вообще происходит?

– Угу. Значит и это еще не доперло... Жаль нет зеркала чтобы тебе показать. Сейчас ты выглядишь несколько по-другому, чем при пробуждении. Я расскажу об этом по пути обратно на кладбище. Пойдем!

– Я не хочу – Пробубнил Антон с боязливой дрожью в голосе

– Можешь повторить? Я что-то не расслышал. – спокойным и монотонным голосом произнес незнакомец

– Я не хочу. – чуть более неуверенно ответил Антон

Незнакомец нанес удар рукой в область живота Антона, а когда тот согнулся от боли – схватил его за горло.

– Послушай меня! Я мог бы оставить тебя умирать, но я решил помочь, из самых светлых и добрых побуждений, но мне – и я в этом не одинок – очень не нравится, когда мои нежные, добрые чувства вот так равняют с землей... А, знаешь – ты прав. Я, наверное, слишком навязчив. Давай, братко, сам ищи себе укрытие, сам добывай еду, сам спасай свою жопу. Ты ведь этого добиваешься – радости от самостоятельного решения проблем?

– Нет.

– Тогда, лучше бы тебе не выпендриваться. Будешь делать как я говорю. Так намного лучше для тебя.

Речь незнакомца звучала яростно, но вместе с тем очень убедительно, словно в его голосе действительно была нотка заботы, пусть и поданная таким грубым образом. Рука его ослабла, и Антон упал на землю.

– Пошли. До рассвета остается часа три, не больше... А там – пуф! И все. – тихо произнес незнакомец

И вот Антон уже возвращался на кладбище, но на этот раз не один, а со своим новым другом. По правде говоря, Антон предпочел бы отказаться от этой дружбы и уйти, но боль в горле сохранявшаяся после недавней воспитательной рабо-

ты напоминала ему, что не он сейчас хозяин положения, к тому же только его попутчик сейчас мог дать ответы. Между ними повисло молчаливое напряжение, до тех пор, пока незнакомец не оборвал его вопросом.

– Тот, кого ты убил, кто он?

– Смотритель на кладбище. Был

– Убил человека почти сразу после пробуждения. Хорош, чертяка! На этот раз вряд ли обойдется так гладко. И из-за тебя, между прочим, я крупно влетел. – уставши произнес незнакомец

– Почему?

– Потому что его теперь будут искать, а я здесь практически живу.

– Я не знаю, что произошло – все было как в тумане! Я бил и бил, из него текла кровь, а потом я еепил, потом его воспоминания кружились у меня в голове. Я видел все! Это... это было ужасно!

По мере того как Антон рассказывал эту историю, в его голосе проявлялось все больше страха и печали. Воспоминания об ушедшей жизни Дмитрия Валентиновича все еще кружились в его голове, напоминая бесконечный кошмар, только наяву.

Незнакомец в этот момент с опечаленным лицом глядел на луну, и казалось не слушал, но как только Антон прекратил свой рассказ, тот повернулся к нему с понимающим лицом и произнес лишь одну фразу, после чего молча двинул-

ся дальше.

– Привыкай к новой жизни, дружище.

Разговор на этом закончился.

В молчании они добирались до кладбища.

Дружище! Так странно, я ведь даже имени его не знаю.

Какой вообще смысл он вкладывал в это слово. Так странно об этом думать. Это же просто фигура речи. Но как его все же зовут? Надо спросить

Антон попытался заговорить:

– Как те...

– Это здесь? – Перебил его незнакомец

– Да

Перед ними стояла каморка сторожа, с еще горящим в ней светом. Незнакомец лихо заскочил внутрь.

– Ну чего встал? – упрекнул незнакомец неожиданно остановившегося Антона

– Я... ничего

– Не бойся, он тебя уже не укусит. И вообще, надо было тебе держаться подальше от каморки до того, как ты, предположительно зверски, растерзал человека, а теперь в этом уже нет смысла. Заходи.

Антон шагнул внутрь каморки и с диким стыдом осмотрел тело Дмитрия Валентиновича. Ничего более мерзкого он еще не видел. Раздробленный на множество осколков череп придавал голове никогда не виденную им форму. Большая часть зубов лежала на полу, вместе с остатками десен. А вы-

рванное горло едва заметно лежало в дальнем углу комнаты.

– Ты с ним не церемонился. – незнакомец склонился над телом для внимательного изучения – Нет. Немного не то слово. Как раз-таки, твои действия, судя по всему, походили на какую-то извращенную, зверскую процессию. Растерзал как Сатанист. – произнес незнакомец с отвращением

Стыд на лице Антона сменялся отвращением к самому себе, и наоборот. Он стоял и ничего не мог ответить.

– Поищи какой-нибудь пакет, или мешок. Не хочу обляпаться – попросил его незнакомец – Оп-па... А, вот это я заберу, пожалуй. – он поднял приставленное к стене ружье и повесил себе на плечо

Антон принялся искать пакет рыская по ящику в столе. На его удачу там лежала пачка больших черных мусорных пакетов, какие сторожа держат для того, чтобы не приходилось часто относить мусор на свалку, в который как раз мог бы поместиться человек.

– Вот, держи- вымолвил Антон

– Кого держи? Я что ли убил человека? Вот ты его и запихивай – я тут подумал.

Неловкие движения сопровождали весь процесс погрузки трупа в мусорный мешок. Никогда ему не приходилось делать это раньше поэтому данное действие слегка затянулось.

– Ай, давай сюда! Я здесь от старости умру пока ты его запихиваешь – с раздражением бросил незнакомец

Ловким движением он натянул мешок на голову покойнику, а оттуда приподняв затащил все тело.

—Куда бы его деть? Может в реку? Нет – найдут. Куда-нибудь недалеко, но, чтобы и искать в этом месте не стали... Точно! Найдет он вечный покой в твоей могиле. Хватай его за ноги и понесли.

Антон послушался. Он взял Дмитрия Валентиновича за ноги, и они потащили его тело к выходу. Проходя мимо умывальника у входа Антон краем глаза заметил себя в зеркало и остановился. Он увидел свое прежнее лицо, или ему так казалось. В воспоминаниях своих он был все еще обезображен, но в зеркале на него смотрел привлекательный молодой человек с прямым и ровным носом аристократически бледным цветом кожи и все такими же угольными волнистыми волосами, прикрывавшими впавшие щеки. Единственное что выдавало в нем нечеловеческую принадлежность это ярко желтые, янтарного цвета зрачки, окруженные желтой, гнилостного цвета, склерой и притягивающие внимание темные круги под глазами.

—А-а-а. Теперь понял, о чем я говорил? Скажи же – сильно отличается от того, что ты видишь перед собой, то есть от меня, верно? Так бывает, когда ты умерщвляешь человека. Пьешь кровь, съедаешь его мясо – не важно – но на целые сутки ты становишься похож на того, кем ты был до смерти.

—Я так выглядел?

—А мне откуда знать? Я сам не помню, как выглядел. Ты,

наверное, тоже. Так что, наслаждайся тем что дают. У некоторых и этого нет.

–Ничего не понимаю.

–Тут нечего понимать. Это все шутки судьбы. Если ты не возражаешь, мы потом об этом переговорим. Скоро рассвет, сам понимаешь. Пуф, боль, крики и дальше по списку.

–Хорошо

В спешке они покинули жилище сторожа. Антон шел впереди, направляя незнакомца к своей могиле. По пути между ними завязался разговор.

–А почему ты решил мне помочь? – спросил незнакомца Антон

–Найдут труп – найдут убийцу, и меня по дороге прихватят.

–Так вот в чем дело.

–А что, ты ожидал что я скажу, что я такой благочестивый и добрый самаритянин и помогаю каждому встречному-поперечному решать его проблемы? Хе-хе. Скажи спасибо, что я не из паучьих. Они бы уже тебе шею свернули.

–Что за знаки паука, быка и змеи, о которых ты говорил?

–Долго рассказывать. Если вкратце, то что-то вроде объединений живых мертвецов. Не особо жалуют они друг друга, но насколько я знаю, открыто не враждуют. Притворяются чем-то важным, но на деле – гроша, ломанного не стоят, а главный у паука и вовсе мутноватый тип. Такой... с мерзоткой, я бы сказал.

–А где они все?

–Я не знаю.

–А ты? Ты кому принадлежишь?

–Я принадлежу сам себе. Скажем так, некоторые традиции этих организаций противоречат моим жизненным принципам свободы и независимости.

– Кстати, я так и не спросил, как тебя зовут?

– Виктор. Можно Витя. Потом, когда-нибудь, наверное, можно будет. Если выживешь.

–Антон. Приятно познакомиться.

–Не ври.

–Мы пришли.

Перед ними раскинулся пустырь, засеянный могилами, найти могилу Антона визуально было несложно— она была наполовину раскопана и из нее торчал кусок гробовой доски.

–Вытащи эту доску и кидай туда мешок.

Антон сделал как его просили. Очень странным было видеть, как в твоей могиле лежит кто- то другой. Но Виктору странным показалось совсем другое.

–Ты так долго спал. – Констатировал Виктор Антону.

–Сколько?

–Давай посчитаем. Сегодня двадцать девятое июня. Ты умер пятнадцатого. Выходит – две недели.

–Две недели?!

–Тебя уже давно отпели. Повезло тебе.

–Мне надо бежать к родным

—А вот этого делать не надо! — Выкрикнул Виктор, схватив Антона за руку.

—Что такое? Почему?

—Если тебе действительно кажется хорошей идеей вернуться к семье спустя две недели после своей смерти, то рискну предположить, что причина твоей смерти была в том, что ты, по своей глупости, упал, запнувшись одной ногой об другую, или подавился своей же слюной... Ты умер! Не забыл? Так оно для всех и должно оставаться. Лучше послушай мой совет, и помоги копать.

Вдвоем они быстро закончили работу, несмотря на то, что копали руками. Розовеющее небо возвещало наступление утра. Антон и Виктор поспешили в сторону подземного перехода.

Когда они уже почти спускались под землю, солнце запустило первые лучи в небо прогоняя последнего свидетеля страшного преступления — луну. Они нырнули вниз по лестнице. Спотыкаясь летя вниз, и едва не умерши от смертельного касания солнечного света они с грохотом упали на пол и эхо разнесло отголоски стыдливого падения, в виде беспомощного кряхтения по всему переходу. Виктор поднялся, подошел к стене, и достал оттуда две картонки. Одну положил под себя, а вторую дал Антону.

—Сегодня можешь переждать день в моем переходе, но завтра тебе придется подыскать другое укрытие.

—Хорошо

–Ничего хорошего в этом нет. Нам нельзя держаться так близко друг к другу. – не скрывая раздражения выкинул Виктор –Но да ладно, делать нечего... Вижу у тебя много вопросов касательно сегодняшней ночи. Я сам конечно знаю едва-ли не меньше тебя, но давай, спрашивай.

–Для начала – кто мы такие, вернее, кем стали?

–Ну-у-с, сложный вопрос. Как минимум мертвецами. Не людьми, точно. Ты уже мог заметить – мы с тобой слабо похожи на людей, потому что мы и не люди собственно, скорее животные. Ты спросишь почему, а я тебе отвечу – потому что теперь мы только и делаем что сидим днем в норах, а ночью питаемся всякой падалью.

–Как-то не жизнеутверждающе, если быть откровенным.

–Ну, почему же? Ты больше бы хотел чего – стать помойной крысой, это если из ближайших аналогий, или сгинуть в небытии? Для кого-то это хорошая альтернатива смерти.

–Для кого-то, это для тебя?

–Нет.

–А почему я обратился?

– А почему Я обратился?! Никто не знает. Как-то само... Мы просто встаем и все... Ладно, я немного слукавил – я не знаю почему это происходит. Да мне и не интересно на самом деле. Спроси умника, если хочешь знать. Но я уверен, что везде тебе ответят примерно то же самое.

–Разве тебе никогда не было интересно почему судьба распорядилась так, а не иначе? Верней... в голове не укла-

дывается. Смерть есть смерть. А тут оказывается эта самая судьба, если можно так сказать, вдруг поднимает тебя из могилы. Для чего?

— Не имеет никакой разницы каким образом тебя мотает судьба. Тут важно, как ты на это отреагируешь. Ты можешь ей подчиниться, а можешь сопротивляться. Я вот всю жизнь просто плыл по течению хоть и не желая подчиняться, но и без сил бороться. А потом я просто встал из могилы. Думаю, в этом и есть моя судьба. И если бы я сейчас узнал почему я вдруг ожил — ничего бы не изменилось. Все уже предопределено в моей жизни, а лишняя информация, это только повод для волнения.

— Говоря о судьбе я имел ввиду стечение жизненных обстоятельств, а не конкретную силу. Даже не знаю, что я мог сделать не так, что оказался здесь.

— А вот я фаталист. Что бы я не делал, и что бы не знал, я бы все равно оказался здесь. Так зачем мне знать, кто мы такие? Что бы это изменило? Да ничего. Может я нечто столь ужасное, что, узнав правду, я бы слетел с катушек.

— Опять же, звучит не очень жизнеутверждающе.

— А ты оптимист что ли? Почему это должно звучать жизнеутверждающе? Мы с тобой умерли. Не осталось ничего от нашей прежней жизни, ни друзей, ни врагов, ни родных, ни близких. Все эмоции, которые ты теперь будешь испытывать, это чувство опасности, голода, и вины... больше всего, наверное, вины... И все это происходит с тобой просто потому

что. Так судьба за тебя решила. Вот и заполни этот стакан наполовину, раз такой умный.

Договорив предложение Виктор уставил взор на трещину между керамо-гранитными плитами в стене, словно выискивая что-то абстрактное и неуловимое в зазорах между осколками. Он сверлил их тяжелым взглядом, не обращая более внимания ни на что. Антон же в этот момент стоял вплотную к Виктору и случайно заметил, что его глаза слегка намокли. Предположив, что тема, на которую вышел разговор являлась слишком личной Антон попытался ее сменить.

—А что за история с пауками?

Виктор несколько секунд не отвечал, словно не услышал. Антон уже хотел было переспросить, но Виктор его опередил.

— Какими пауками?

—Ну, паук, змея, и кто там еще?

—А, "паук", "змея", "бык"... В общем, да. Когда-то мы все были сами по себе и проживали не очень-то долгую жизнь, что иронично, если подумать. Затем самые опытные и старшие из нас...

—Вот, кстати, когда ты говоришь "нас"... кого ты имеешь в виду? Как мы зовемся и сколько таких "нас" таких вообще?

— Кто как себя зовет. Мертвецы, вампиры, зомби, упыри... да много как еще. Лично я за свою жизнь видел около пятидесяти в городе. Не перебивай меня... — Виктору потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, о чем он гово-

рил минуту назад. – Так вот, самые старшие и опытные из нас смекнули, что таким макаром, при таком количестве случайных факторов жизни им не удастся существовать вечно, и создали объединение паука, насколько я помню, в тысяча девятьсот девяносто пятом году и существуют поныне. Но не сильно обнадеживайся формулировкой "самые старшие и опытные", ибо всем из них не более ста лет. О более старших упырях, скажем ста пятидесяти – двухсот лет, я никогда вообще не слышал. Да и занимаются они только тем, что предоставляют крышу и питание нуждающимся. За определенную плату, разумеется. Найти такие места можно по характерным изображениям паука, смотрящего жвалами вниз. Редкостные пажоны и бюрократы. И польза от них на мой взгляд тоже нулевая. Я говорил уже?

–А где их найти?

–А я не знаю. Я, если ты еще не заметил, ничего, ни о каких других упырях, не знаю. Совсем. Не хочу знать ни их, ни о них.

–А как появились остальные общества?

– В противовес. Не все были согласны с правилами паука. В правила входили, первое – не питаться людьми среднего достатка и выше, второе – не общаться с живыми ни при каких обстоятельствах, если в дальнейшем ты не планируешь его убить, и не оставлять следов. Третье, и самое главное – не выдавать себя, расположение убежищ и количество... м-м... нас, живым. Если с третьим были согласны все, то вот

с первым и вторым вышло много неувязок. Одни цеплялись за остатки своей человеческой жизни, либо просто хотели поговорить с теми, кто не являлся уродливым озлобленным людоедом. Так от паука откололась змея. Другие хотели полностью отдать себя новой жизни, во всех ее жутких полутонах. Раз уж тебе довелось отведать человечины ты можешь помнить, как воспоминания того сторожа передались тебе. Ни ты один такой. Многие страдают тем же. Так, о чем я? ... Ах да, не все хотели мириться с тем что будут проживать раз за разом нелегкую жизнь бомжей, проституток и прочих люмпенов, поэтому от паука затем откололся бык.

—А почему нельзя питаться людьми среднего достатка?

—Кошмар. Ты точно не детсадовец? Да потому что их искать будут серьезнее. Очевидно же, что закон един не для всех, и жизнь бульварной профурсетки не стоит времени и сил жандармерии, и поймают ее убийцу, в данном случае тебя, если ты сам придешь с ее отрубленной головой и положишь ее прямо к ним на стол, и то – не факт. Но вот пропади какой-нибудь уважаемый член общества, у которого не дай бог еще связи с полисменами – это сразу другое дело. Был один такой лет десять назад – поселился в подвале дома в металлургическом районе и повадился питаться жильцами только строго определенного кроя и без характерного хмельного запаха бедноты, ну так сразу вокруг этой местности поставили патрули и усиленную охрану. Поэтому для сохранности тайны он был убит теми, кого еще вчера называл дру-

зьями. Может ты даже помнишь эту историю. Из всех щелей гудела как никак.

– Да, помню. Я тогда еще жил неподалеку. Меня из-за этих убийств полгода не выпускали на улицу. Так это был он – тот самый "рюшечный маньяк", которого так и не нашли? Тогда и правда, было много шумихи. Я как-то не подумал об этом.

– Да тут и не надо думать, все уже давно продумали за тебя, от тебя сейчас только требуется слушать. Если ты конечно не захочешь пойти на вольные хлеба, как я. Если что, это шутка. Пойдешь на это – жизнь твоя будет нелегкой. Не смотри что я весь такой оптимистичный и жизнерадостный... хе-хе – самому аж смешно стало – просто я нашел себе удобную кормушку.

– Какую?

– Бомжи с одного района. Они прекрасно знают кто я такой. Скрывать это с моим лицом долго не удастся, как правило. Это одна из тех причин почему мне не совсем подходит образ жизни паучьих. А история знакомства с ними такова:

Когда-то у меня был приятель среди них – жил около моего дома, еще до превращения. Ну я, то хлебушка ему подкину, то денег дам немножко, вот и заобщались по чуть-чуть. Ну и когда случилась у меня эта напасть я пошел к нему. Сначала я как-то пытался скрыть это все, но он быстро начал догадываться, что что-то не так... даже не знаю почему... хех – пришлось рассказать ему всю правду. Надо было, конечно, видеть его лицо в этот момент – словами не описать, жестами

не изобразить. Но спустя некоторое время он пришел в себя, и мы поговорили как настоящие жентельмены. В итоге мы договорились о взаимной услуге – я охраняю его и его друзей от всякой сволочи, типа буйных подростков, или пьяного быдла, они же дают мне тела умирающих товарищей, дабы я прекратил их страдания и заодно похоронил по-человечески. Немногим знаешь ли нравится то, что, когда находят тело бездомного, его тут же отдают на растерзание студентам медикам, или маринуют как огурцы и выставляют в том же университете. Вот так и зажил. Большую часть времени я провожу на Теплотехе, а когда кто-нибудь умирает, то несую его ночью на кладбище и провожу день в этом переходе.

–Получается сегодня тоже...?

–Ага. Тимохой звали – нормальный парень был. Представляешь, поехал в командировку на месяц, а когда вернулся ни жены, ни детей, ни квартиры, а потом еще и ограбили, а в портфеле были документы. Все! Если ты без бумажки, то ты уже никто в нашем обществе – мусор, дрянь. Ну, не в нашем мире, а в их. Да и в нашем не сладко жить.

–И ты его?

–Убил его и съел. Стыдно, конечно, но диета уж такая, что поделать.

–А почему ты тогда не похож, ну знаешь... на человека?

–У каждого этот вопрос строго индивидуален. Ты вот переживаешь чужие воспоминания, а я не могу принимать прежний вид, если он у меня вообще был. Даже не знаю, что

хуже, твое проклятие, или мое.

–Любопытно.

–Да ты я погляжу больно любопытный. Дальше больше, но я немного устал от твоих расспросов. Если вкратце, то потом объявилось это общество паука со своими правилами. Мне они только мешали – мой быт к этому моменту был давно налажен, и рушить его ради мнимой безопасности я не стал, и посмотри на меня – тридцать лет уже живу, почти... ну, как живу... ты меня понял, короче говоря.

–Да, понял – с ухмылкой ответил Антон.

–Теперь постарайся не докучать мне. Нужно много-о-чем поразмыслить...

Время в этом переходе словно замерло. Никто из зевак не проходил по нему, ибо его строительство было большой градостроительной ошибкой. До кладбища удобнее всего доехать на машине, а если ты доехал на автобусе, то недалеко была более безопасная с точки зрения криминогенности зебра.

Даже часов, которые бы раздражающе тикали и напоминали о том, сколько секунд оставалось до возможности выйти наружу ни у кого не было. Антон даже смог соскучиться по этому звуку, который обычно днем клонит человека в сон, а ночью мешает спать. Виктор же в этот момент безмолвно сверлил взглядом потолок, задумавшись о ведомых только ему проблемах. Его вполне устраивало данное времяпровождение. Наверное, это черта всех бессмертных – уметь

безмятежно мотать время, ведь его у тебя бесконечное количество. Антон же еще не привык к столь пустому и скучному занятию, поэтому не мог найти себе место и ходил взад-вперед.

Он прокручивал последние дни в своей жизни пытаюсь вспомнить все детали, но ничего кроме последних вспышек во время аварии он не мог вытянуть из своей головы. Зато мысли сторожа, напротив, не давали ему покоя крутятся в голове периодически становясь настоящей проблемой для него.

Местами он путался где его воспоминания, а где воспоминания сторожа. Антон потратил весь день пытаюсь систематизировать и упорядочить их, чтобы не сойти с ума. Он решил относить к воспоминаниям сторожа все, где его не называют по имени. Конечно, весьма вероятно, что при таком подходе многие и многие воспоминания по ошибке будут отнесены к чужим, но в данном случае это единственный способ определить какие являются твоими точно. Странное дело – пытаться понять твои ли воспоминания у тебя в голове. А если они не твои, то что тогда? Пытаясь ответить себе на этот вопрос Антон не заметил, как солнце ушло за горизонт.

Виктор поднялся с картонки и направился в сторону выхода.

–Ну, удачи. Она-то тебе точно нужна. – произнес он насмешливо

– Постой! Я еще ничего толком то и не знаю! Куда мне

идти?

—Тогда последний тебе мой совет. Если тебе нужна няня, то найди общество паука, или какую еще секту. В крайнем случае можешь зайти ко мне на Теплотех, но не думай, что твоей няней буду я.

—Я понял.

—А и еще кое-что...

Виктор принялся рыскать по карманам долго водя руками по куртке, пока не нащупал маленький кирпичик в левой складке бокового кармана. Он протянул Антону руку, в ней был старый кнопочный телефон с пятнами крови.

—Вот, держи. Я собирался сдать его в ломбард, но кровь слишком глубоко въелась в кнопки. Да и лицо у меня нереспектабельное. Тебе всяко-разно пригодится больше, чем мне.

—Спасибо.

—Вроде все. Ну, теперь точно удачи. Пока.

Виктор с озорством направился в сторону улицы, необычно для себя, по крайней мере для на взгляд Антона, словно его что-то резко обрадовало. Антон медленно начал собираться с мыслями куда ему отправиться теперь, однако его подогнал голос снаружи.

—Чтобы, когда я вернусь, тебя не было в моем переходе.

Антон поспешил уйти.

Глава 2 Новые друзья

Улицы города проносились стремительным потоком сливаясь в яркое пропитанное неонем пятно. Автобус №20 вез Антона к домой. Взгляд его как обычно цеплялся за яркие вывески магазинов на являющихся памятником ушедшей советской эпохи домах, смешивающихся в некую контрастную и непритязательную композицию с современным жильем для малообеспеченных граждан. Теперь эти дома напоминали ему его самого. Он, как и те "Сталинки" и "Хрущевки", что проносились мимо него в окне – всего лишь малозаметное простому глазу обывателя полуживое напоминание об ушедшем времени, с той лишь разницей, что дома относятся нас к уже почти забытому времени, а Антон, это памятник недавней, почти что вчерашней истории. Также Антон всматривался в прохожих любящих выходить на вечернюю прогулку после жаркого летнего дня, который он теперь уже никогда не застанет, и наконец, сам автобус привлекал его внимание и наводил на глубокие размышления.

Что-то определенно привлекало его в атмосфере полупустого рейсового автобуса. Моргание лампы в салоне; негромко воющий звук работающего старого двигателя; обшарпанные кожаные сидения; сонные пассажиры, желающие поскорее попасть домой – все это давало ему странное чувство комфорта и спокойствия, будто бы он сам является частью

толпы обывателей не подозревающих, что рядом с ними может происходить нечто странное, и даже жуткое. Однако, все его иллюзии развеивались, как только он обращал внимание на едущих с ним попутчиков. Жизненные токи пронизывающие каждого вокруг отныне были доступны взору Антона. Он чувствовал сердцебиение каждого пассажира автобуса... каждого, кроме одного. И по мере того как он осознавал факт своей смерти, он понимал насколько же теперь он ото всех отличается. В особенности от старушки, что сидела напротив него. Принимая во внимание тот факт, что на вид она была далеко уже даже не бальзаковского возраста было удивительно видеть столь много жизни во взгляде обычного человека. С первого взгляда могло показаться, что перед тобой сидит отнюдь не пожилая дама, но юная дева. К сожалению, когда взгляд Антона оторвался от ее больших выразительных глаз, когда впечатление от ненавязчивой, и даже, в некотором роде, заразительной улыбки начало уходить – он начал замечать многочисленные шрамы, полученные в схватке со временем. Ее лицо было уже не так красиво, как в былые времена, хотя и местами сохранило прежние черты, а руки ужасно истончились и слегка покачивались из стороны в сторону, но все же не были совсем беспомощны, в отличие от ног, которым больше всех досталось от жизни. Видно было, что женщина стремительно теряет силы и приближается к закономерному концу своего существования, однако самой воли к жизни казалось ничто и никто не сможет у нее отнять.

Было даже иронично, что Антон, преисполненный силами, большими чем у кого бы то ни было в округ, обладал куда меньшей этой-самой волей к жизни, чем у немощной и готовой вот-вот умереть старушки. Она неосознанно притягивала взгляд Антона заставляя того восхищаться собой, но вместе с тем наводя на него грусть от собственной ничтожности. Антон не был уверен нужно ли ему возвращаться к себе домой, будут ли рады его близкие встрече, или может лучше было послушаться совета Виктора и забыть про родных и друзей. Но размышлять об этом однако было уже поздно – автобус подъехал к остановке.

Каждый шаг в сторону дома давался Антону с трудом. Какая-то часть него все же осознавала всю странность ситуации, в которой он находился. С другой стороны, куда ему оставалось идти? Может быть слоняться ночными улицами в одиночестве? Или лучше закончить свое бесцельное существование этим же утром? От обоих возможных вариантов у Антона пробегала дрожь в коленях. Во всех окнах между делом давно погас свет. И даже в крайнем правом от входа окне шестого этажа. Это была его квартира. Боязливость и неуверенность, которую он испытывал внутри автобуса переросла в стойкое нежелание возвращаться домой. Голос разума проснувшийся внутри Антона всеми силами отговаривал его от этой идеи. *"Думаешь, что все так спокойно воспримут твое возвращение после смерти?! Посмотри на себя, может быть это вовсе и не ты уже!"* – думал он про себя. В сво-

ем выводе Антон не чувствовал печали, но был некоторой степени раздосадован пришедшим ему откровением. В конце концов он отгородит своих близких от страданий, или по крайней мере он был в этом уверен. Но от того, чтобы хотя бы в последний раз взглянуть на свою возлюбленную он не удержался.

По периметру дома свисало несколько старых громоотводов, которые, естественно, давно уже не справлялись со своей функцией потому что были не заземлены. Сейчас же им выпала возможность сыграть роль импровизированной канатной лестницы – один из них был закреплен как раз около квартиры. Подъем по металлическому тросу на шестой этаж давался Антону без особых усилий, поэтому и прошел для него незаметно, настолько, что он едва его не пропустил. Заглянув в окно, он сразу обнаружил то, зачем и затеял это восхождение. На двуспальной кровати в одиночестве спала она.

Во сне дама его сердца была ничуть не менее прекрасна, чем в жизни. Золотые как рожь волосы слегка прикрывали простое, но очаровательное лицо. Оно было весьма узенькое. Кто-то мог даже сказать, что она похожа на мышку, но в сочетании с прямым, лишенным каким-либо изъяснов носиком, маленькой милой "природной улыбкой" – особым строением лицевых мышц, при котором уголки рта у человека всегда слегка приподняты – и, чистой, лишенной веснушек светлой кожей, это лицо создавало впечатление, что принад-

лежит новорожденному котенку. Ничего кроме умиления ее вид вызывать не мог, а вместе с белой свисающей с плеч майкой она и вовсе вызывала детский восторг у Антона.

Вечер был жаркий и окно было оставлено на проветривание, так что Антон решил зайти внутрь чтобы как следует рассмотреть свою любовь. Аккуратно проскользнув в окно, он направился к ее постели, но в растерянности запнулся об спортивную сумку, которая стояла около окна и едва не разбудил ее. Осмотревшись он увидел еще несколько сумок. *"Странно, мы вроде никуда не собирались"* – подумал он.

Медленно, стараясь не скрипеть, он расстегнул молнию на одной из сумок. Внутри были его личные вещи. Теперь его сомнения окончательно развеялись – ему не стоит здесь находиться – все понемногу смиряются с утратой и вернуться значит возобновить чужие страдания. Посмотрев на свои вещи, Антон задумался о том, во что он одет – в грязный похоронный костюм.

"Может та старушка не так уж и жизнерадостна, может ее просто забавлял мой внешний вид. Благо что кровь успела запечься. Боже. Вчера я убил человека" – неожиданное чувство вины снова обрушилось на Антона. Не успел он как следует предаться меланхоличным размышлениям о бренности бытия, как его отвлек шелест постельного белья. *"Она вот-вот проснется!"* – испугался Антон. *"И что я ей тогда скажу?! Что со мной будет?! Что с ней будет?!"* – продолжал он накручивать. Одеяло начало медленно вздыматься,

поэтому Антона, в страхе за тайну своего воскрешения, взял ком одежды из сумки и выскочил в открытое окно.

Во время своего полета вниз Антон успел призадуматься о безрассудности своих последних действий вообще, и прыжка из окна в частности. Глупо было, не зная границы своих возможностей выпрыгнуть из окна понадеявшись на то, что все обойдется. Что ж, по крайней мере тогда он их и узнал. При приземлении Антон услышал громкий хруст в области колена и подкосившись упал на землю. Раздробленная кость приносила чудовищную боль, хотя и не такую сильную, какую испытал бы обычный человек в подобной ситуации. От боли ему хотелось кричать, но он понимал – если его обнаружат жители дома с раздробленной костью, с вещами, в похоронном костюме и, что не маловажно, мертвым, это только усугубит его положение, поэтому все, что ему оставалось – лишь молча проглотить эту боль. Благо она отступила намного раньше, чем ожидалось – всего за несколько минут, но нога по-прежнему отказывалась двигаться и отдавала ноющими ощущениями по всему телу.

Антон забрался на лавочку, где решил переодеться. Он посмотрел на свою добычу с отвращением, будто бы он украл ее. Хотя одежда и была его, но неприятные ощущения были словно от настоящего воровства. Комом одежды оказались черные штаны, две футболки, пара носков и серая кофта с капюшоном. *"Не густо"* – Подумал Антон. Все же это было лучше, чем расхаживать в похоронном костюме. Переодев-

шись и выкинув костюм в мусорный бак Антон босиком направился куда-то в сторону промзоны в надежде найти паука. По пути его беспокоили образы возлюбленной. В попытке навсегда отпечатать их в своей памяти, до него вдруг дошло, что он совершенно не помнит ее имени. Но кому оно с другой стороны теперь было нужно? – впереди его ждала новая жизнь.

Самое сложное в любом деле это начало, потому порой может быть совершенно неизвестно в каком направлении прилагать усилия. Случай с Антоном был в точности аналогичен. Он одиноко ковылял по улице, не зная куда податься и где искать прибежище. *"Как я вообще должен был их найти? Ну, то есть, как их кто-либо должен искать. И если бы не Виктор, то где бы я был сейчас?"* – спрашивал Антон себя.

– Точно! Виктор! – вскрикнул он

До рассвета оставалось не так много времени если учитывать, что Антон вынужден передвигаться пешком, поэтому он поспешил направиться в сторону теплотеха, к счастью для него этот район был знаком ему хорошо, а это значило, что этой ночью он имеет вполне ощутимые шансы на выживание. Дорога отняла у него около часа, в течении которого ему не встретилось ни единой души, что не удивительно – часы на телефоне показывали полпервого ночи – даже проезжающий автомобиль в такое время встретишь нечасто, не говоря уже о прохожих, если конечно речь не идет о центре города, но о том, чтобы туда пойти сейчас не могло быть и речи.

У здания же самого теплотеха ситуация несколько отличалась – по улице то и дело слонялись бездомные собирающие тару или просто занимающиеся безделием. Обшарпанные покосившиеся дома с одной стороны улицы, и заброшенные занятые различным уличным отребьем с другой, в купе с общей картиной упадка и загрязнения уличного пространства создавали впечатление, что район этот не самый благополучный, а, следовательно, безопасный... с точки зрения живого мертвеца. Виктор точно должен быть здесь. Но где конкретно здесь – непонятно.

–Извините, я ищу Виктора. – сказал Антон одному из проходящих мимо бездомных крепко схватив его за руку.

–Какого Виктора? Не знаем таких!

Бездомный ответил сильно дребезжащим голосом, будто бы он был сильно напуган и едва ли не на грани истерики.

–Все нормально, я его друг. – успокаивал его Антон продолжая неосознанно давить на конечность бездомного.

–Мне больно, отпусти пожалуйста руку! – он корчился и извивался от боли и когда Антон наконец отпустил его руку, бездомный едва не упал на землю – Ну, если вы правда друзья, то пошли за мной.

Возможно он не поверил Антону, но если тот знает Виктора, то ему ничего не стоит просто выбить из него все необходимые сведения. Поэтому лучшим выходом из этой ситуации будет сразу во всем сознаться, и он это прекрасно понимал.

Антон и его сопровождающий вошли в здание бывшего теплотехнического института. По виду оно мало отличалось от остальных кирпичных зданий хрущевского периода, только большая красная пятиконечная звезда на фасаде и множество помпезных, но уже давно запущенных гранитных цветочных клумб намекали на его особенность. Внутри их ждала старая бетонная лестница с проржавевшими насквозь перилами ведущая на второй этаж и в технический подвал. Из подвала на лестничный пролет падал теплый мерцающий свет освещающий ступеньки, ведущие вниз.

—В подвале... он сейчас в подвале... должен быть там. — отрезал бездомный и развернулся к выходу, после чего в спешке покинул помещение.

Антон спустился вниз и едва не запнулся об скол лестницы по пути. Внизу его уже ожидали. За наспех сделанным из деревянного ящика столом, на котором стояла керосиновая лампа освещавшая помещение, мирно сидел Виктор. Антон огляделся вокруг и не нашел ничего, за что бы мог зацепиться взглядом, ведь внутри подвала были только стол, на котором стояла лампа, картонная лежанка, стены с обвалившейся штукатуркой, различного рода мусор, и сам Виктор, покачивающийся на старом ученическом стуле.

—Скромно, но со вкусом, да? — произнес Антон в надежде в непринужденной форме начать разговор

—Хе-хе... Это настоящий постмодерн, будь он собственно неладен. Кругом грязь, говно и мерзость, но так и задумано,

так что все хорошо. Смотри не поломай ничего... Чего пришел? Друзей нашел?

По голосу Виктора читалось, что у него сегодня хорошее настроение. Он явно слегка повеселел в момент, когда Антон заговорил с ним. Попытка завести разговор могла считаться успешной.

Антон не знал, что ответить. Не понятно была ли это шутка, или вполне серьезный вопрос, или все же намек на то, что ему здесь не очень рады.

– Да шучу я! Проходи. Угостить мне тебя нечем, да ты и не будешь ничего есть, так что без обид.

Виктор встал из-за стола и подошел к Антону, после чего с помощью подталкивания в спину проводил за стол и усадил на пару кирпичей, а сам сел на противоположную сторону.

– Ну, рассказывай, что ли. Как вечер прошел? Освоился? – начал расспрашивать его Виктор, пододвинувшись поближе и оперевшись локтями об стол.

– Вроде того. Сходил сегодня к девушке... бывшей... наверное. Сломал колено и теперь не знаю куда...

– Стоп, стоп. К какой еще девушке? – прервал его Виктор – Ты, кусок дебила, хоть немного, хоть капельку осознаешь насколько это все серьезно?! Осознаешь, насколько ты мерзко поступил?! А?!

Внутри Виктора в этот момент вспыхнула ярость, но как быстро она его охватила, так же быстро и отступила прочь. Немного переведя дыхание, он продолжил расспрос.

–С ней хоть все в порядке?

–Да, я просто... она спала, когда я зашел. Я просто посмотрел вот и все! Мне нужны были мои вещи – Стыдливо оправдывался Антон.

–То есть она тебя не видела?

–Нет, не видела.

–Это хорошо. Хотя нет, не хорошо! Если бы она не была твоей девушкой я бы решил, что ты извращенец. АХ-ХА.

После этой шутки в подвале повисла гробовая тишина. Неловкость заставляла Антона чувствовать себя словно в тисках. Шутка казалась ему абсолютно не смешной и неуместной. В тот момент ему даже показалось, что лучше бы он самостоятельно пошел искать паука.

–Эх... как-то не удалась шутка. В голове она казалась куда лучше, извини–Стыдливо оправдывался уже Виктор – Модная кофта, кстати. А обувь где?

–Не успел взять.

– Ну, что ж. Тут бы шутка была уместна, что ты бежал, что аж пятки сверкали, но я ее еще не доработал... А если серьезно не из-за тайны тебе не следовало там быть, а из-за опасности для нее самой. Если ты правда ее любишь, то забудь ее адрес. Вот прям совсем! Даже на выходные... и даже по праздникам. Уточняю – вообще ни с кем тебе нельзя видеться, если тебе дороги их жизни. Ни раз в месяц, ни раз в год, ни раз в десятилетие. Никогда!

Антон тяжело выдохнул и ушел в молчание. Умозаклю-

чения, сделанные у своего дома касательно того, что ему не стоит ее видеть, больше не воспроизводились так легко, стоило лишь задуматься об этом всерьез. В результате он сильно упал духом и изменился в лице. Виктор, видя это, постарался переключить тему. Его внимание привлек неестественный выверт колена Антона.

–А с коленом что?

–Упал.

–Ты ведь не маленький уже, ругать тебя как мама я не буду, так что можешь и правду рассказать, как считаешь?

–Я правда упал... с шестого этажа.

–Ну дае-е-ешь! А зачем ты туда полез, собственно? ...А-а-а-а, не отвечай, я понял – она живет на шестом этаже! Ну поздравляю тебя, что сказать. Я уж хотел тебе шею намылить за это, но я гляжу ты свой урок получил. На счет шеи это я шучу, я ведь все-таки не мама, сам же тебе сказал. Правильно? Ну, а на счет колена не переживай особо, оно дня через три как новое будет. Ты лучше скажи – не в гости же ты пришел ко мне, верно? Мне интересно зачем.

–Я подумал тут про паука, помнишь ты рассказывал? Так вот, я хочу туда вступить.

Лицо Виктора вдруг приобрело совершенно неожиданные черты. В нем начали проглядываться раздражение и некоторая опечаленность.

–А, ты об этом. Стоило, наверное, догадаться. Извини, я ничего не знаю про паука, я не особо лажу с ними. Хотя...

у меня есть тут номер Алисы, знакомой моей давней – одной из немногих адекватных трупов... и женщин. Но на мой взгляд она все же слишком шумная для мертвеца. Если тебе удастся ее разговорить на нужный лад – можешь поинтересоваться, но я бы на твоём месте подумал сто раз. У нее... особый способ общения, если можно так сказать. Ну а вообще – в принципе само это общество, это сомнительная организация. Надо оно тебе?

– Не понимаю тебя. Сначала ты говоришь, что ты мне не няня, и что лучше бы мне куда-то приткнуться, а теперь отговариваешь вступить в их общество.

– Много навалилось всего. Тимоха умер, ночи сейчас короткие – везде надо успеть, и тут ты еще. И вообще я не думал, что ты доживешь до сегодня. Такое не раз происходило – разжевываешь все, даешь советы, помогаешь освоиться, а он возьми и умри на следующий же день. Но вот ты жив. И от своих слов о том, что тебе нужно бы приткнуться, не отказываюсь. Один ты не выживешь. Так что вот номер, но я бы подумал на твоём месте прежде чем делать решение. Потому что, как уже ты мог понять, данные организации для не обремененных интеллектом.

– Спасибо тебе большое! Ты мне сейчас очень сильно помог! И я обещаю подумать.

– На том свете сочтемся.

Закончив шутку Виктор залился неистовым смехом. Он был настолько сильный, что эхо разносило его по всему ин-

ституту, и даже за его пределы. Определенно в этот момент он чувствовал себя гением комедии, не меньше. Хорошо, что никто кроме Антона не видел это inferнального вида существо изрыгающее неистовый смех, потому что если бы кто-то это увидел, то вполне мог пополнить собой население ближайшего морга. Менее чем через минуту разговор вновь перешел на серьезные тона Виктор взял у Антона телефон и оставил в контактах номер Алисы.

– Не хочу отнимать твое время, поэтому не буду тебя задерживать. Ступай на улицу танкистов дом 86. Клуб называется "Соблазн", не пропустишь.

– Какой клуб? Seriously, клуб?

– Ну, да-да-да, забыл – она является фактическим владельцем клуба, хотя на бумаге он и принадлежит другому, более свежему человеку. История сложная, но не очень-то интересная... В общем идешь по Ленинскому проспекту вниз по улице пока не дойдешь до трамвайных путей, оттуда справа увидишь улицу танкистов, а там найти его легко. Скажешь, что от меня. Если выйдешь сейчас, то до рассвета у тебя есть время.

– Подожди. Ответь сначала как она с нашей внешностью...?

– Все вопросы у тебя отпадут сами, когда ты туда придешь. Топай уже.

Попрощавшись с Виктором Антон направился в клуб по его указаниям. Перед его входом красовалась большая вы-

веска, на которой розовыми неоновыми трубками была сложена надпись "Соблазн", прямо под силуэтом обнаженной женской спины. Вспомнив инструкции Виктора Антон обошел здание в поисках входа в подвальные помещения. Далее нужно было позвонить Алисе. Антон достал телефон из кармана быстро пробежался по номерам контактов, но не успел он набрать нужный номер как на телефон поступил входящий вызов от неизвестного номера, на который тот не решился отвечать. Последующее сообщение помогло понять, что звонок был адресован не ему:

"Ответ пожалуйста! Тебя все ищут! Это Кристина. На этот номер не звони, позвони на мой".

Кристина была любимой внучкой Антона. Нет, стоп, у Антона не было даже детей – это была внучка Дмитрия Валентиновича. Как раз на кануне его смерти она говорила, что собирается прийти к нему на работу чтобы проведать старика. Антона захлестнули физически тяжелые воспоминания, от которых у того начала нарастать головная боль.

Дмитрий Валентинович в этот как обычно сидел в своей коморке и попивал свой любимый черный чай заедая его хлебными сухарями. Привычный ход дня нарушил телефонный звонок. Он достал телефон из кармана, на экране мелькало название контакта – "Кристина в".

–Алло.

–Алло. Дед, привет. Это Кристина.

–Ну да, так меня все и зовут. Дед. Привет, привет. Ну, как

дела у тебя? Что нового? Так давно не виделись с тобой я уж не знаю с чего начать! Начни ты.

—У меня все хорошо. Нового ничего нет. Все также учеба, учеба, работа, работа.

—Тогда как мама там?

—Мама — хорошо. Вот тоже недавно про тебя говорила. Она, наверное, тоже скучает, только ей не вздумай сказать, что я это сказала. И вообще она сейчас в не очень хорошем настроении, так что, если соберешься позвонить, имей это ввиду.

—Да нет, ладно, не буду, как-нибудь потом позвоню. Ты там соскучилась по деду, или что-то попросить хочешь?

—Ну ты чего, дед, конечно я соскучилась. Вот и звоню. Взять бы я все равно ничего не решилась, даже если было бы что. Жди меня сегодня в шесть. Ты ведь еще на кладбище работаешь?

—Ну а где мне еще? Куда меня возьмут такого?

—А вот если бы не пил как черт, то взяли бы. Ты инженер с высшим образованием! Тебя бы с руками оторвали!

—А, враки все это. Инженер, инженер! Звучит только престижно, а на деле-то, как грязи этих инженеров. Кому нужны инженеры в наше время? Да и какой я инженер? Путей сообщения. Уже лет двадцать как нет на них спроса. А мне всё: ты же инженер! Попробовали сначала бы инженером стать, а там уж и говорите тогда какой я бездельник.

—Да конечно, все это твои отговорки! Может, не спроса

нет, а предложения от тебя все не поступает? Да, даже если – все равно образование высшее. Просто так и скажи, что хочешь сидеть, ничего не делать и получать за это копейки... Ну все, закругляемся, пока не поругались. Жди. И попробуй только накидаться опять – я больше никогда не приду... Извини. Просто... ты же мой дедушка, и все с этого кладбища не выходишь. Тебе, наверное, грустно.

– Не грустнее чем от твоих слов.

– Я не хотела. Я тебя очень люблю.

– Я тебя тоже. Приходи сегодня. – Дмитрий Валентинович повесил трубку

Одинокий сторож был несказанно рад предстоящей встрече, хотя и без горького осадка не обошлось. Он осмотрел свою комнату и понял, что вид ее был весьма удручающий. Нечем было даже угостить любимую внучку. Накинув свою старую куртку Дмитрий Валентинович отправился в ближайший магазин чтобы купить немного конфет и зеленого чая... И бутылочку пива.

Антон пришел в себя и снова попытался набрать номер. На сей раз никакие видения его не существовавшей жизни не помешали ему. Из трубки раздался энергичный, но ласковый голос:

– Алло?

– Привет, это Алиса? Это Антон. Я от Виктора, он сказал ты можешь помочь. Я стою у входа в подвал.

–Ого! Интересно, кого он опять привел. Подожди пару минут. Я сейчас к тебе спущусь.

На момент, когда Алиса вышла к Антону прошло много больше чем пара минут, но чрезмерно долгое ожидание компенсировалось сторицей в момент, когда Антону довелось наконец увидеть виновницу его ожиданий.

Когда Алиса показалась из дверей клуба, само сияние луны вдруг нашло свое предназначение в чертах лица ее прекрасной особы, ибо свет будто застревал в волнистых волосах Алисы, что были цвета чистой меди, давая им особый неповторимый отлив, который только подчеркивал сияние золотых глаз на белом как мрамор лице, из которого скульптор сотворил, пожалуй, свой самый лучший и анатомически совершенный образ. Даже темные круги у Алисы были не такими как у Антона или Виктора – они не отводили внимания от ее лица, а скорее служили обрамлением для глаз, как для двух драгоценных камней. Когда смотрящий на нее смог бы отвлечься от лица он бы увидел стройную на манер викторианской моды фигуру, скрываемую лишь тоненьким облегающим платьицем закрывающим однако же всё, от ног до шеи. Если бы хоть что-то живое внутри Антона еще сохранилось, оно бы дрожало в изнеможении. Ее вид был чистым воплощением красоты неживой природы – такой же нерушимой и вечной, но вместе с тем холодной и непостижимой.

–Надевай это и пошли. – протараторила Алиса, протянув

Антону кожаную маску с прорезью во рту.

Антон послушался, а затем проследовал за ней вглубь по бетонной лестнице.

Пройдя через подвальные помещения, где ничего не могло указать на назначение основной зоны заведения, (там располагался склад уборочного инвентаря), они поднялись в гостевую зону клуба, где абсолютно все были в точно таких же нелепых масках.

В неказистых движениях полуголые тела сплетались в подобие узлов. *Это место следовало бы назвать не "Соблазн", а, например, "Нью Содом", или на худой конец "Ле Гоморра"* – Думал Антон.

Многие из посетителей, как мужчин, так и женщин, не стеснялись избавляться от некоторых, по их мнению, лишних элементов тематического костюма, разворачивая напоказ свои причинные места. Кто-то же напротив, предпочитал развратным действиям томительное воздержание и просто смотрел на других посетителей, а те совершенно не обращали на него внимания. Антону все казалось таким чуждым и непонятным, и, наверное, поэтому он находил это место отвратительным, в особенности, когда они с Алисой проходили мимо секций со столиками для связывания. В клубе между тем громко играла агрессивная музыка и светили ярко-красные стробоскопы, будто бы гипнотическим образом воздействуя на сознание людей, заставляя их отбрасывать стыд и идти на сущие непотребства, описывать которые

было бы очень неловко даже повидавшем все в этом мире людям.

–А ПОЧЕМУ ИМЕННО БДСМ КЛУБ?! – спросил Антон пытаясь перекричать играющую музыку.

–ЧТО ГОВОРИШЬ?! – не менее громко переспросила Алиса.

–ДАВАЙ ЛУЧШЕ ГДЕ-НИБУДЬ В ТИХОМ МЕСТЕ ПОГОВОРИМ!

–Я ТЕБЯ НЕ СЛЫШУ! ДАВАЙ ЛУЧШЕ В ТИХОМ МЕСТЕ ПОГОВОРИМ!

Алиса взяла Антона за руку и быстрым шагом направилась по лестнице наверх в свой кабинет, обстановка которого не особо отличалась от клубной – те же красные обои, те же кресла, обтянутые кожей и с заклепками вдоль мягких частей, расставленные по углам. В дальней части комнаты стояла большая двуспальная кровать выполненная на манер готики, а в центре кабинета нагромоздился массивный стол из красного дерева.

После того как они вошли в кабинет и закрыли дверь звуки музыки перестали слышаться так отчетливо и ушли куда-то на периферию, напоследок оставив звон в ушах и неприятное ощущение в затылке. Антон, стоило ему зайти в кабинет, постарался как можно скорее снять маску. Ничего более стыдного ему делать не приходилось, а заевший замок на молнии в области рта только усиливал нелепость его внешнего вида.

–И что же такого могло понадобиться такому симпатичному проклятому от меня – скромной страждущей девочки, мм?

Произнеся вопрос настолько страстным тоном, что он начал казаться неприличным предложением, Алиса с грацией кошки приземлилась на стол и закинула одну ногу на другую.

–Я ищу выход на общество паука. Виктор сказал, что ты можешь помочь.

–О-у. Жаль, я думала ты ищешь меня для чего-нибудь поинтереснее – договорила Алиса и с грустным видом убрала ногу с ноги.

–Ага, очень смешно. Будто бы я не знаю, что мы не можем ничего подобного, и что будто бы я не видел себя в зеркало... Да и вообще – не хочется мне как-то.

–О чем это ты? Что это мы не можем? Я совсем не это имела ввиду. Я себя не где-нибудь нашла, знаете ли!.. Подожди, что? Не хочется? Совсем, совсем? Даже когда я делаю так? – Алиса перебросила ноги на секунду засветив свое белое нижнее белье

Антон почувствовал сильное смущение. Это было явное заигрывание и провокация с ее стороны. Не мог же он неправильно понять. В данной ситуации оставалось только сделать ответный выпад, иначе молчаливый стыд заставил бы его сгореть на месте и никакое общество паука искать было бы уже не нужно.

–Эй. Ты специально меня провоцировала, я же знаю! Хва-

тит.

Алиса встала со стола подошла к Антону и легонько провела рукой по его покрытой шрамами коже лица сказав:

–Нет, это ты меня провоцируешь. – После чего тихонько рассмеялась и повернулась к нему спиной.

–Мне уже не смешно! Завязывай! – раздраженно крикнул Антон

–Какой серьезный! Эх, никогда не понять тебе моих страданий! Сложно сохранять незаинтересованность, когда твоя душа жаждет любви, но твое тело всего лишь сосуд, набитый пылью. – выдавила Алиса с большой долей напускной грусти, как это делает ребенок, который хочет, чтобы его пожалели. На Антона этот прием сработал, и инициатива вновь перешла в руки его оппоненту.

–Извини, может я слегка погорячился. Я не хотел тебя обидеть. – постарался он успокоить Алису.

–Быстро же ты сдался. Спорщика из тебя не выйдет. С другой стороны, это характеризует тебя как человека знающего, как обращаться с дамами. Ты проглотил свою гордость и уверенность, стоило мне только слегка подать вид что я расстроилась. Женщинам нравятся такие мужчины, хоть и не все в этом сознаются.

–Не совсем так. Не из-за твоей обиды я сдался. Так просто было проще. Вот я тебя пожалел, и ты сразу стала говорить, как человек, а не как секс-робот.

–Ну да, ну да. Конечно. – хихикнула Алиса.

"Так вот об этом говорил Витя. На счет адекватности он конечно погорячился. Или они все такие?"

От напускной грусти Алисы не осталось не малейшего следа. Она снова приняла игривый тон, и Антон решил, что момент для расспроса про общество паука наиболее удачный, но сначала один вопрос, который уже не оставит в покое пока не будет получен ответ:

–А почему именно БДСМ клуб-то?

–Если ты жаждешь удовлетворить свое любопытство, то я вынуждена разочаровать тебя. Я, честно, не знаю. Здесь был клуб еще до меня. А когда я пришла, точнее Миша пришел ко мне, я захотела что-то здесь изменить. Вот и изменила. Наверное, это просто приятно. Там, внизу, один подчиняет, другой подчиняется, но как бы кто не старался, главной все равно являюсь Я. Хоть они этого и не осознают, но это... будоражит.

–Если не секрет, кто такой Миша?

–Миша – фактически владелец этого заведения. Ну как, мой ответ тебя удовлетворил?

–Вполне, хотя у меня и остались неясности. Например... Хотя, намек понят – мне необязательно это знать.

–Ладно. Что-то разговор пошел не в том направлении. Вернемся к вопросу о пауке, ты ведь за этим сюда пришел. Витя кстати тебе уже рассказывал почему они не ладят?

–Нет, не рассказывал.

–Потому что маньяки они, вот поэтому! Например, ты

знаешь, что одно из правил у них, это не оставлять следы? Мало кто задумывается над смыслом этих слов. На самом деле не оставлять следы – значит убивать людей наиболее жестокими из известных тебе способов, чтобы никто не понял, что человек убит ради пропитания. Все должно быть похоже на изнасилование, либо на разбой, либо на работу садиста, либо на все сразу. А Витя через чур доброй души человек – не вытерпел, да и ушел. Вот такая история.

–Я об этом точно не слышал.

–Не удивительно. Для него тема убийств очень болезненна. Впрочем, я сейчас слишком много рассказала тебе, и к тому же опять отвлеклась. Давай мы забудем об этом и вернемся к Стасу.

–К кому? – удивленно спросил Антон, приподняв бровь, безразлично предполагая, что это очередной полу-романтический интерес Алисы.

–К Стасу. Это глава секты паука. Страшный человек я тебе скажу. От одной мысли о нем в коленях пробегает дрожь. Иногда я сомневаюсь был ли он вообще человеком. Всегда холоден и отрешен, а жалость ему была чужда всегда. Ну в общем классическая история "успешного" психопата. При всей, однако, своей жестокости и бескомпромиссности у него есть один явный страх – страх нового. Только вдумайся, правила паука не менялись с момента его зарождения. И невдомек им, что это только усиливает страх людей перед этими убийствами. А сотовую связь пауچی адепты стали

использовать лишь в семнадцатом году. Разве такое неповоротливое и неуклюжее сообщество имеет шансы на выживание? Я думаю нет.

–А ты получается из общества...?

–Я змейка. Мы то хоть как-то пытаемся блюсти ценности гуманизма, в отличие от тех монстров, с которыми ты собираешься вести дружбу. Однако, не могу я тебя пригласить к нам, как бы не хотела. Тебе нужно мощное прикрытие – нужно жить среди больших скоплений людей, в таких местах, где их пропажа лишь погрешность в статистике, нежели четкая закономерность. Например, этот клуб. Но тебе сюда нельзя. Тогда меня точно прикроют. И без того, многовато странных пропаж и смертей.

–Тогда все же я его понимаю!

Антон впервые за время своего бессмертного существования решился выразить свое мнение по какому-либо поводу, что его безусловно радовало, ведь до сего момента он лишь молча переваривал информацию и делал что просят не в силах возразить по причине своего незнания и бессилия, но теперь область, в которую входил разговор затрагивала его прижизненные знания и опыт, и удержаться от того чтобы возразить он просто не мог себе позволить. Хотя, конечно, спор он начал скорее из вредности, чем из-за убежденности в противоположной точке зрения

–Представь, что на тебе лежит управление целым сообществом людей, которым только и хочется, что убивать, при

этом ты выработал свод правил, работающий как часы, но требующий жесткого исполнения, иначе вся выстроенная тобой система тут же рухнет. Даже если ты захочешь выстроить новую систему, то есть, в данном случае, сменить правила, тебе, так или иначе придется разрушить старую, а деконструкция старой системы вызовет хаос и ощущение вседозволенности. Вспомни Советский Союз. Вот только мы не коммунисты, а кровопийцы... так, стоп... хе-хе. Так вот, я к тому, что смена правил приведет к нашему раскрытию, по крайней мере в масштабе общества паука. Насчет мобильных я вообще молчу. Знаешь сколько существует способов отследить тебя по мобильному? Я сам знаю шесть, но их может быть куда больше, а учитывая, что они живут не по одиночке это значит, что выследил одного – выследил всех.

Антон почувствовал довольство собой, почувствовал себя хозяином ситуации. До чего приятно перечить тому, кто еще буквально только что смотрел на тебя как на желторотого юнца, а сейчас ты дискутируешь с ним на равных. Вот только триумф его длился недолго.

–А я-то думала ты не такой идиот, каким кажешься. Теперь понятно, что вы со Стасом друг друга стоите. Улица Краснопольская дом 31. Теперь можешь идти.

Алиса выглядела удрученной в момент прощания. Ей думалось она найдет своего единомышленника каким был для нее Виктор, но оказалось, что это был очередной наивный убийца, думающий, что жизнь тех, кто слабее ничего не сто-

ит.

Так бы и разошлись они навсегда, не узнав о друг друге правды, если бы не тот факт, что рассвет уже давно наступил, и когда Антон подошел к выходу и открыл дверь солнце с голодом дикого зверя набросилось на него и впустило свои сверкающие, горячие как огонь когти ему в лицо, едва не испепелив. Алиса, испуганная и с дикими глазами, подбежала к двери закрыв ее толчком ноги, после чего склонилась над Антоном чтобы проверить жив ли он. Он оказался жив, но был сильно обожжен и находился в состоянии беспамятства и бреда, вызванного болевым шоком. Он трясся и выкрикивал отдельные фразы и предложения, которые никак не желали строиться в связную речь, но среди потока бреда выделялось предложение, неоднократно повторяемое Антоном, на которое впоследствии обратит внимание Алиса, и даже он сам, звучавшее как: "Алур мал аур ам альг'гаил илатр"

Простонав это предложение в который раз Антон в бессилии закрыл глаза и медленно погрузился в безбрежное царство кошмара, ибо боль от солнечного ожога резко отличалась от ожога, вызванного огнем или любым раскаленным предметом. Солнце помимо телесной оболочки жгло еще и саму душу. Его лучи попав всего лишь на небольшой участок лица показавшимся в дверном проеме разнесли ужасающую боль по всему телу. Но не снаружи чувствовалась она, а внутри.словно пожар, бушевавший в глубинах тела и разума, готовый пожрать все до чего дотронется, оставив лишь

пепел, но перед этим вырваться за пределы восприятия боли, обесценив само слово "боль", ибо то, что он несет за собой описать невозможно никакими словами.

Кошмар его длился целую вечность. Гротескные образы жутких монстров сменялись один за другим, то разрывая Антона на части, то пронизывая копьями, то сжирая его не жуя, приобретая самые разные формы и размеры.

Одни были похоже на гончих, только тело их покрывала не шерсть, а острые тонкие лезвия биологического происхождения, которые росли вдоль спины и заканчивались у самой морды, к которой как будто на специальный подвижный крепеж была приставлена челюсть раскрывающаяся, как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении давая такой хват, что возможно было поместить туда голову взрослого человека. Антон пытался убежать от них, но каждый раз его попытки были тщетны, настигая его целой стаей гончие валили его на землю и первым делом откусывали горло оставляя его истекать кровью.

Другие были похожи на жаб, но, как если бы тело жабы раздулось и покрылось желтовато-бурой слизью соприкосновение с которой приносило ожоги схожие с действием кислоты. Размером они были в два раза больше самого Антона, и имели человеческое лицо. Каждый раз, когда Антон оказывался рядом с ними, они ловили его языком; долго и мучительно переваривали, затем отрывивали, дав секундную передышку, после чего все начиналось сначала.

Некоторые имели формы настолько причудливые и непостоянные, что иначе как неопишуемые их нельзя было назвать. Хватая множеством своих разнообразных конечностей, от рук до щупалец и клешней, они разделяли тело Антона на множество составных частей, а потом толстыми нитями сшивали его заново, меняя части местами, или же все пришивая куски совершенно иных созданий. Когда же от Антона не оставалось ничего из того, что бы напоминало о его первоначальном облике, они оставляли его в покое. Далее из бездонного сундука доставали новое тело. То же, что осталось от Антона после того, как его извратили и обезобразили, присоединялось к своим мучителям, вынужденный уже своими глазами наблюдать, как рвут на части его существо, при этом непосредственно участвуя в чудовищном действии.

Ни раны, ни увечья, ни вид самих монстров не пугал его, однако, так сильно, как простой золотой шар, периодически восходивший над небосводом и освещавший грязные улицы города, по которым Антон бродил в своем кошмаре. Когда оно всходило монстры будто бы исчезали, а на их месте возникали бывшие друзья и знакомые, чьи имена были стерты из памяти Антона, но не то зло, что он им сделал. Приветливые улыбки знакомых заставляли чувствовать предвкушение от встречи с отвратительными порождениями ночи. Все являлись в этот сон дабы воздать Антону по его заслугам: девушка, чье сердце он так внезапно разбил; родители – един-

ственные люди, любящие человека бескорыстно, но до того расстроенные и доведенные до отчаяния, что грань между любовью и ненавистью была смазана; друзья, которые считали, что дружба, это единственная нерушимая вещь в их жизнях, обвинявшие теперь его в разрушении своих наивных иллюзий; сторож со своей семьей, поверивший незнакомцу и поплатившийся жизнью за это.

Толпа окружала его, не проявляя никакой агрессии. Каждый из них пытался заговорить с ним на отвлеченные темы, словно событий последних дней не было. Только лишь сторож Дмитрий Валентинович ввиду отсутствия горла лишь радостно улыбался и периодически произносил хлюпающий: "Бларгх-бларгх"

По мере того как солнце опускалось все ниже к горизонту улыбка толпы становилась все шире, а лица приветливей. Все старательней из нее стали доноситься вроде бы обычные предложения, такие как погулять, или сходить в кино, но все как один были поданы тоном человека, старающегося быть вежливым, при том что внутри него кипит гнев и ненависть. Когда же последний луч солнца упал за горизонт улыбки на лицах людей стали стремительно шириться, переходя за всякие пределы человеческих возможностей. Уголки рта подбирались к ушам: за ними раздавались щелчки похожие на треск ломающихся костей. Из самих же ртов текла жидкость абсолютно черного, не возвращающего глазам ни единого процента света. Слово сама вселенская пустота

лилась из их ртов и заполняла каждый уголок окружающего пространства. Она была густой как смола, а ее капли падали вверх и растворялись в воздухе окрашивая его в черный цвет. С самими же телами начали происходить немислимые изменения. Хруст множества костей и позвонков начинал сливаться в один протяжный гул. Руки и ноги удлинялись, становились тоньше, распадались на множество паучьих конечностей, тела разбухали, челюсти вытягивались вперед, превращаясь в огромную пасть, либо вдавливались и становились похожими на рот червяка. Все происходило под стенающие стоны боли, перебивавшиеся приступами истерического смеха. Толпа бесформенных уродцев сжимала Антона в кольцо. Попытавшись выбраться, он начал расталкивать их, но получив удар деформированной, принявшей форму костяного лезвия рукой в глаз, откуда-то из толпы, рухнул на землю вопя от боли. Толпа окружила его. Те, кто оказались снизу вонзали свои конечности в его тело, те кто был сверху давили его своей массой вызывая тем самым приступы клаустрофобии.

Антон лежал бессильный и беспомощный. Толпа, навалившаяся на него, выкрикивала слова, с первого взгляда казавшиеся тарабарщиной, но среди бессвязных сочетаний букв отчетливо слышалось: "Алур мал аур".

Неужели это конец? – спрашивал Антон себя. – *Это не просто кошмар. Наверное, наяву я сейчас умираю, и все, что здесь происходит – моя предсмертная агония.*

Боль и ощущение давления внезапно отступили, а улицы затянула непроглядная даже для его глаз тьма. Посчитав, что уже умер, Антон встал и отряхнулся. Посмертную тишину разрывало негромкое эхо где-то вдалеке. Не успев осознать до конца, что произошло, он почувствовал, что оно усиливается. И вот уже поначалу едва слышимый расплывчатый голос начинал приобретать форму и даже походить на осмысленную речь:

– Да, я звоню сказать, что он жив. Не волнуйся за него... Нет, я знаю, чем это грозит... Я ему не нянька, как ты любишь говорить. Если надо – сам найдет."

Антон открыл глаза и обнаружил себя в кровати Алисы. Осмотревшись вокруг он увидел и саму Алису – та разговаривала с кем-то по телефону. Антон решил не подавать виду и притвориться, что он еще спит.

– Я просто не люблю, когда кто-то умирает на моем пороге, вот и все... Ага, очень смешно... Ну, вроде как скоро должен. Я позвоню.

Поняв, что разговор на этом окончен Антон попытался встать с кровати, но грохнулся на пол привлекая внимание Алисы.

– Не вставай.! – в полусшепот и с большой долей заботы в голосе предупредила его Алиса, подбежав к нему, чтобы помочь.

– Я понял. – тихонько сказал Антон и с помощью Алисы заполз обратно на кровать.

–Мог бы для начала поблагодарить меня. Ты в курсе, что ты бредил? Говорил какую-то ерунду и все время бормотал... как там это?... "алу-у-ур алу-у-ур, аур."

–Да, помню что-то такое. Я не знаю, что это значит, если тебе интересно. Но почему-то мне вдруг кажется, что это важно. Ты не могла бы это записать

–А? Да, конечно. Но ты сейчас лучше просто лежи. Ты мучился весь день и всю ночь.

–Сегодня уже четверг? О, господи. Так жжется лицо...

–Да, теперь это навсегда. Я не про жжение, а про шрам. Хотя с другой стороны я бы уж лучше выбрала жжение. Можешь мне поверить. Но это я так, к сведению.

–Понятно. Когда я смогу встать? – спросил Антон, опасаясь того, что ему придется потратить слишком много времени впустую из-за своей глупой оплошности

–О, ну этого я точно знать не могу – со мной такого не было. Думаю, когда захочешь. Ну тебе уже лучше, а когда поешь, то вообще, наверное, сходу оправишься.

–Поешь?!

–Да. Поешь. Сегодня за счет заведения. Скажи спасибо своему другу. Он кстати волновался о тебе. Позвони ему, будь так добр.

–Хорошо, сейчас.

Антон достал мобильный телефон из кармана брюк и набрал номер Виктора. Из динамика донеслось слегка волнительное "Алло"

–Привет. Это я, Антон.

–Привет, малыш. Ты там цел?

–Я ин-цел. Нет? Не смешно?

–Хрень какую-то несешь. Не умеешь шутить – не шути.

–Ладно. Я цел. Немного все болит, особенно лицо, но в целом все хорошо.

–Алиса сказала – ты подпалился на солнце. Когда я зашел к тебе вчера ночью ты корчился и бормотал что-то себе под нос и совсем не отвечал мне. Помнишь?

–Ничего не помню, совсем.

–А, не важно, главное – сейчас-то все хорошо. Ну ты поправляйся там, и в гости заходи, если что. Пока.

Виктор спешно повесил трубку, не дав Антону попрощаться в ответ. Сам же Антон был даже рад, что разговор оказался таким коротким, потому что в данный момент он был слишком слаб, даже для разговоров.

Алиса, до сего момента молча стоявшая в стороне, вдруг направилась к двери, ведущей в гостевую зону. Антон при этом остался лежать в одиночестве. Ни мыслей, ни тревог не было в его голове. Он молча лежал в практически беспомощности устремляя взор в потолок. Меж тем полчаса до возвращения Алисы прошли практически незаметно. Вернулась она не одна – за ней неспешно ковыляла потрепанного вида девушка в откровенном кожаном костюме с вырезами в районе груди и бедер. Ее русые кудрявые волосы были расплетаны и спутаны, а глаза были словно стеклянные и смот-

рели вникуда.

–Кто это?! – спросил у Алисы Антон, приподнявшись и уперевшись о спинку кровати.

–Обед. – Отрезала Алиса.

Девушка, стоявшая подле Алисы, не проявляла никаких эмоций и казалось не слышала ни слова, но стоило Алисе позвать ее к себе как та без всяких возражений выполнила ее приказ. Следующей командой было взять пять медицинских колб с тремя иглами предназначенных для забора крови и наполнить их до максимальной отметки.

–Ешь – Приказала она Антону.

–Я не хочу – ответил Антон стараясь скрыть нестерпимый голод.

–Здесь нечего стыдиться – теперь это твоя природа. Разве кошке бывает стыдно, когда она ест мышшь?

Слова, сказанные Алисой, возымели эффект – Антон стыдливо, словно нашкодивший школьник, взял колбы и по очереди надламывал их по верхнему краю выпивая содержимое. Постепенно к нему начали возвращаться силы, но перед этим ему снова пришлось прожить жизнь того, чью кровь он сейчас пил.

В целом жизненный путь Евгении Побединской не представлял ничего особого. С самого детства ей внушали мысль о ее уникальности. Отчасти по началу это было и так – в младшей школе она добивалась больших успехов и осваива-

ла многие дисциплины с впечатляющей скоростью, но уже к середине пятого класса чувство собственной важности, приправленное ленью, возникшей ввиду малой жизненной нагрузки, подтолкнуло Женю перестать учиться и отдаться единственному достойному занятию для настоящих гениев – набираться сил для великих свершений. На диване. С тех пор все больше ее жизнь теряла перспективы. Успеваемость Жени упала до катастрофически низких показателей. Когда же она осознала, что причина ее успеваемости кроется не в нежелании работать на оценки, а в наработанными годами глупости и пробелах в знаниях было уже слишком поздно – выпускные экзамены расставили все точки над *i*. Наконец ей пришлось и осознание того, что она не просто не гениальная, а совершенно заурядная личность, не обладающая ни навыками, ни талантами. В попытке прогнать от себя эту мысль она решила искать уникальность во внешнем виде и эксцентричном поведении. За последний год Женя перепробовала многое за что лично она могла бы назвать себя глубокой непонятой миром личностью – сделала себе татуировку скорпиона на бедре; начала употреблять легкие наркотики, ведь только они могли скрыть ее душевные страдания; купила томик Сартра, Ницше и Хайдеггера, но так ни разу и не открыла ни одной из этих книг. Выбранный ей путь привел её в БДСМ клуб, ибо внезапно Женя открыла для себя **необычную** любовь к мазохизму, где она познакомилась с красивой девушкой, угостившей ее самым забористым коктейлем, а дальше

все происходило как в тумане.

Алиса приказала Жене подождать в уборной, затем подошла к Антону и сев рядом с ним на кровать задала вполне закономерный вопрос:

–Ну как, лучше?

–Немного. Чем ты ее накачала?

–Скополамин, или как его еще называют "дыхание дьявола". Вызывает полную неспособность действовать самостоятельно, иначе говоря – человек становится на все согласен, а на утро он ничего не помнит.

–А это не опасно?

–Очень. Но только в случае передозировки. Я прикидывала на глаз, но если она еще жива, то все хорошо. Завтра она проснется в этой постели и будет думать, что сильно перебрала.

–Как-то это неправильно.

–А ты бы предпочел ее убить?

–Ну... нет

–Тогда придержи язык. Это самый гуманный способ из всех что только существуют.

–Может быть и так, но это все равно ужасно.

–Ах, как мы заговорили! Вчера ты был другого мнения на этот счет! Не ты ли оправдывал Станислава и его методы?!

Закончив предложение Алиса постаралась успокоиться потому что поняла – затевать спор не имеет никого смысла, поэтому она просто встала с кровати и направилась к выходу.

–Стой! – Окликнул ее Антон

–Что тебе еще надо? – Ответила она, развернувшись к Ан-
тону

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.